

СТАРЫЙ КИРИБЪЙ.
(Петръ Николаевичъ Шабельскій-Боркъ)

ПАВЛОВСКІЙ ГОБЕЛЕНЪ

текст приводится по:

Издание Общества Святого Владимира въ Санъ Пауло, Бразилія. 1955 г.
Предсѣдатель Общества Святого Владимира въ Санъ Пауло В. В. ГЮЛЬЦГОФЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

В. МЕРЖЕЕВСКІЙ — ОКЛЕВЕТАННЫЙ ИМПЕРАТОРЪ	2
С. БЕХТѢВЪ — ЦАРЬ-РЫЦАРЬ	4
ПОСВЯЩЕНІЕ — ДОРОГИМЪ УЗНИКАМЪ	6
В. ЗВѢРЕВЪ — ПАМЯТИ П.Н. ШАБЕЛЬСКАГО-БОРКЪ	6
СТАРЫЙ КИРИБЪЙ — ПАВЛОВСКІЙ ГОБЕЛЕНЪ	9

ОКЛЕВЕТАННЫЙ ИМПЕРАТОРЪ

Въ 1951 году, 11 марта, исполнилось 150 лѣтъ со дня мученической кончины злодѣйски убиеннаго Императора Павла Петровича.

„Рѣка время въ своемъ теченьи,
Уносить всѣ дѣла людей
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей...”

Эти стихи Державина не совсѣмъ точно можно приложить къ убиенному Императору Павлу Петровичу. Мало имѣется монарховъ, такъ безпощадно оклеветанныхъ, какъ несчастный Императоръ Павелъ I-ый. Въ прошлое онъ ушелъ незабвеннымъ, но оклеветаннымъ.

Въ наши дни, когда мало имѣется людей, имѣющихъ независимость сужденія и трезвость мысли, полезно сдѣлать безпристрастный очеркъ личности и дѣятельности безвременно погибшаго монарха.

Императоръ Павелъ Петровичъ взошелъ на престолъ 42 лѣтъ. Говорятъ, что былъ онъ изломаннымъ, нервнымъ и больнымъ человѣкомъ. Справедливо, что была присуща ему нѣкоторая нервность, совершенно естественная при тѣхъ условіяхъ преслѣдованія со стороны матери, въ которыхъ ему приходилось жить. Далеко, однако, это до настоящей душевной болѣзни, обладателемъ которой охотно дѣлаютъ его нѣкоторые историки.

Разногласія между матерью и сыномъ не ограничивались тѣмъ, что Павелъ считалъ ее виновницей смерти отца, но также не одобрялъ онъ ея образа жизни, дѣятельности и окруженія. Пропастъ между ними была значительна и имѣла подъ собой идеологическія основанія.

Императоръ Павелъ I-ый сознавалъ опасность, грозящую Европѣ отъ революціонной Франціи. Въ этомъ отношеніи проявлялъ онъ большую дальновидность и ясность ума, всецѣло опровергающія легенду о его сумасшествіи. Спасти Россію, и даже Европу, отъ проникновенія революціонной заразы, стать спасителемъ троновъ и оскверненныхъ алтарей - поставилъ себѣ Павелъ Первый задачей. Для него борьба съ французской революціей была дѣломъ религіознымъ. Онъ хотѣлъ вести борьбу за вѣру христіанскую и установленное Богомъ монархическое начало.

Императоръ Павелъ I-ый, по выраженію одного современника, „былъ рыцаремъ временъ прошедшихъ. Онъ научилъ насъ и народъ, что различіе сословій — ничтожно”. Обладая нравственной и духовной чистотой, онъ былъ добродѣтеленъ, ненавидѣлъ распущенную жизнь и глубоко былъ привязанъ къ своей прелестной супругѣ.

Для своего времени онъ былъ прекрасно образованъ, зная въ совершенствѣ четыре языка, имѣлъ познанія въ математикѣ и исторіи и обладалъ литературной начитанностью. Княгиня Ливенъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что былъ онъ надѣленъ граціей, „обладалъ прекрасными манерами и былъ очень вѣжливъ съ женщинами; все это запечатлѣвало его особу изяществомъ и легко обличало въ немъ дворянина и великаго князя”.

Всѣмъ извѣстно, что Императоръ Павелъ Петровичъ былъ поклонникомъ Фридриха Великаго и его военной системы. Однако былъ онъ свободенъ отъ духовнаго вліянія этого монарха-безбожника. Самъ Павелъ Петровичъ былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ и православнымъ до глубины души. Неправду онъ не терпѣлъ и безпощадно преслѣдовалъ также лихоимство и взяточничество. По натурѣ же былъ великодушенъ и зачастую отмѣнялъ наложенныя взысканія, если онѣ ему казались жестокими.

Императоръ Павелъ Петровичъ короновался въ Москвѣ, 5 апрѣля 1797 года, въ день Свѣтлага Христова Воскресенія. Въ этотъ день были опубликованы акты чрезвычайной важности. Первый былъ законъ о престолонаслѣдіи, который Императоръ лично огласилъ въ Соборѣ, а за нимъ слѣдовали установленія о Императорской фамилии и о Россійскихъ орденахъ.

Въ тотъ же день былъ обнародованъ знаменитый указъ, дававшій милости крестьянскому сословію и запрещавшій барщину по воскресеньямъ. И въ дальнѣйшемъ крестьяне не были забыты Императоромъ и имъ были уменьшены натуральныя повинности, бывшія до сей поры тяжелыми.

Впервые въ исторіи Россійской Имперіи, въ царствованіе Императора Павла Петровича крестьянское сословіе было приведено къ присягѣ. Было создано особое крестьянское управленіе; для казенныхъ крестьянъ были установлены надѣлы; и всѣмъ крестьянамъ было дано право аппеляціи на рѣшенія судебныхъ мѣстъ.

Наконецъ, было издано распоряженіе, запрещающее продажу съ публичнаго торга дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли, а губернаторамъ было предписано наблюдать за тѣмъ, чтобы помѣщики не злоупотребляли своей властью.

Но заботы Императора Павла Петровича не ограничились однимъ крестьянскимъ сословіемъ. Положеніе духовенства было улучшено. Были отпущены спеціальныя суммы на духовное образованіе и были учреждены въ Санктъ-Петербургѣ и Казани духовныя академіи.

Особенно важныя мѣры были приняты въ отношеніи вѣротерпимости. Раскольники получили право имѣть своихъ священниковъ и церкви. Эти права старообрядцевъ послѣ смерти Императора Павла Петровича были

отъ нихъ отняты, и лишь въ царствованіе Императора Николая II они ихъ снова получили.

Императоръ Павелъ Петровичъ, будучи въ полномъ смыслѣ этого слова православнымъ государемъ, считалъ, что „верховная власть вѣряется Императору для единого блага подданныхъ”. Отъ своей бабки императрицы Елисаветы воспринялъ Павелъ любовь ко всему русскому народу.

Наслѣдство, принятое Императоромъ Павломъ отъ своей матери, было тяжелымъ. Государственное хозяйство было въ запущенномъ состояніи. Наличный составъ арміи не соотвѣтствовалъ спискамъ. Рекруты зачастую попадали не въ армію, а въ крепостные военныхъ, большихъ и малыхъ начальниковъ. Офицеры излишествовали, носили дорогія шубы, украшенія и даже муфты. Дисциплина отсутствовала. Гражданская администрація не отставала отъ военной въ хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ.

Необходимы были строгія мѣры и онѣ были приняты новымъ Императоромъ. Для арміи были выработаны уставы, которыхъ раньше вообще не было, и была введена дисциплина. Послѣ распушенности екатерининскихъ временъ, дисциплина эта многимъ показалась суровой, но по сути дѣла таковой не была. Армія стала заниматься технической и строевой подготовкой.

Такъ какъ офицерскій составъ состоялъ исключительно изъ дворянъ, то мѣры къ поднятію военной дисциплины были истолкованы, какъ ударъ по привилегіямъ дворянства. Это вызвало бѣгство дворянскихъ дѣтей изъ арміи и стремленіе устроиться на гражданской службѣ. Противъ уклоненія дворянства отъ военной службы были приняты суровыя мѣры.

За короткое время русская армія, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, достигла высокаго военного развитія и стала той, которая, подъ командой фельдмаршала Суворова, покрыла русское оружіе легендарной славой.

Въ области гражданскаго управленія были произведены преобразованія, подобныя тѣмъ, которыя были сдѣланы въ области военной. Гражданское управленіе было преобразовано, количество губерній сокращено, составъ чиновниковъ улучшенъ и учреждены спеціальныя школы для молодыхъ дворянъ, съ цѣлью обученія ихъ наукамъ, „способствующимъ искусству въ штатскихъ должностяхъ и приличному достоинству дворянина”.

Безъ преувеличенія можно сказать, что правленіе Императора Павла Петровича было толчкомъ Россіи на цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ впередъ и всѣ мѣропріятія, начатыя имъ, продолжались въ послѣдовавшія царствованія Александра I-го и Николая II-го.

Очень часто, въ дешевыхъ книжкахъ объ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, подвергаются высмѣиванію мѣропріятія его противъ ношенія фраковъ и круглыхъ шляпъ. Однако ничего неразумнаго и непослѣдовательнаго не было въ отрицательномъ отношеніи къ этимъ символамъ „гражданской вольности” и „вольномудства”, проникшимъ въ то время къ намъ съ Запада, въ результатѣ французской революціи.

Внѣшняя политика Императора Павла Петровича была глубоко послѣдовательной и проводима имъ въ согласіи съ супругой Императрицей Маріей Ѳеодоровной. Императоръ Павелъ не стремился къ захватамъ, но его цѣлью была борьба съ идеями французской революціи и поддержаніе легитимнаго принципа въ Европѣ.

Нѣтъ нужды говорить, что для Австріи и Англіи, съ которыми Императоръ Павелъ вступилъ въ союзъ, были чужды его высокіе принципы. Сами эти державы ничего другого не искали въ войнѣ, какъ наживы и обогащенія. Распадъ коалиціи, въ этихъ условіяхъ, былъ неизбѣженъ.

Императоръ поставилъ Суворова во главѣ русскаго корпуса и пожаловалъ его орденомъ Іоанна Іерусалимскаго. „Боже, спаси Царя”, — воскликнулъ Суворовъ, падая на колени. „Да спасетъ тебя Богъ для спасенія царей” — отвѣтилъ Императоръ Павелъ Петровичъ.

Въ такихъ выраженіяхъ писалъ Императоръ Павелъ Петровичъ Суворову въ Вѣну: „Мы молимъ Господа Бога нашего, да благословитъ ополченіе Наше, даруя побѣды надъ врагами вѣры христіанской и власти, отъ Всевышняго поставленной, и да пребудутъ воины россійскіе, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, истинными сынами отечества и Намъ вѣрноподданными”.

Невозможно въ такихъ краткихъ словахъ болѣе точно и опредѣленно выразить понятіе православнаго воинства, самодержавной власти и долга передъ отечествомъ, какъ это сдѣлалъ благочестивѣйшій Императоръ Павелъ Петровичъ.

За великія дѣла вѣрноподданнаго не было милостей, которыми бы Императоръ Павелъ не осыпалъ Своего полководца. Суворовъ получилъ титулъ князя Италійскаго, чинъ генералиссимуса, право на императорскія почести и памятникъ при жизни.

Извѣстно, что полезная дѣятельность этого императора-реформатора и миротворца была насильственно пресѣчена въ результатѣ заговора, въ которомъ принимали участіе члены тайныхъ обществъ, при помощи Англіи.

11-го марта 1801 года совершилось злодѣяніе, которое по гнусности и отвратительности превосходитъ лишь то, что было совершено 4-го іюля 1918 года въ Ипатьевскомъ домѣ въ Екатеринбургѣ.

Иллюминаты (то есть члены тайнаго масонскаго общества) торжествовали побѣду — и на другой день послѣ убійства кругляя шляпы и фраки появились на улицахъ Санктъ Петербурга. Народъ, говоря словами Пушкина, безмолствовалъ. Августъ Коцебу рассказываетъ, что когда офицеры говорили солдатамъ: „радуйтесь, братцы, тиранъ умеръ” — то они отвѣчали: „для насъ онъ былъ не тиранъ, а отецъ”.

Прошло сто пятьдесятъ лѣтъ — и сейчасъ отрадно видѣть, что на свѣтъ Божій начинаетъ проглядывать правда объ оклеветанномъ Императорѣ. Спадаютъ лживыя покровы и вырисовывается величественный обликъ Императора, мудраго въ правленіи, одушевленнаго самыми лучшими намѣреніями, и который самъ о себѣ

сказаль: „я желаю быть лучше ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ быть любимымъ за дѣло неправое”.

В. Мержеевскій.

ЦАРЬ-РЫЦАРЬ

Посвящается незабвенной
памяти Императора Павла I.

Какъ я любилъ въ дни юности моей
Собора мрачнаго державную громаду,
И на гробницѣ царственной Твоей
Неугасимую народную лампаду.
Въ священномъ трепетѣ я думами виталь
Подъ сводами, окутанными мглою,
И прошлый вѣкъ прилежно воскрешаль,
Съ его причудами и прелестью былою.
И снился мнѣ Твой образъ дорогой,
Безстрашный рыцарь съ волей непреклонной,
Украшенный мальтійскою звѣздой,
Увѣнчанный россійскою короной.
Какъ былъ великъ Ты въ терніяхъ вѣнца,
Въ лучахъ немеркнущихъ святого ореола,
Убитый Сынъ убитаго Отца,
Защитникъ родины и царскаго престола.
Любилъ ты истину, порядокъ и законъ,
И чтить душою честнаго солдата,
Сѣдую славу дѣдовскихъ знаменъ,
Прошедшую съ Востока до Заката.
Ты первый осудилъ съ престола Своего
Оковы горькія позорящаго рабства
И смѣло положилъ предѣлы для него
Безъ громкихъ словъ и хитраго лукавства.
Злосчастный узникъ Гатчинскихъ палатъ,
Задавленный гордынею царицы,
Ты рано испыталъ съ ней горе и разладъ,
Кляня правленіе вдовы-цареубійцы.
Честолюбивая, безнравственная мать,
Воспѣтая презрѣнными рабами,
Бразды державныя стремилась задержать
Своими властными и цѣпкими руками.
Законный Царь, Ты былъ вдали отъ дѣлъ,
Всегда одинъ отъ самой колыбели,
Печаленъ былъ твой царственный удѣлъ,
Тернистый путь и призрачныя цѣли.
Ты росъ въ тюрьмѣ подъ гнетомъ мрачныхъ думъ,
Глотая слезы горькихъ оскорбленій,
Волнуя мыслями воспламененный умъ,
Отравленный жестокостью сомнѣній.
Тяжелый крестъ дала Тебѣ судьба —
Наслѣднику крутой императрицы,
Тебя унижившей до жалкаго раба,
Идущаго у царской колесницы.
Въ своемъ изгнаніи не разъ Ты испыталъ
Ея любовниковъ преступное засилье
И, унижаемый, беспомощно страдать,
Снося безъ жалобъ грубое насилье.
Затворникъ юный пышнаго дворца,
Ты былъ далекъ отъ радостей столицы,
Встрѣчая съ ласкою спокойнаго лица
Досужихъ сплетниковъ тупыхъ небылицы.
Но часъ пришелъ — царица умерла
Средь болтуновъ, льстецовъ и интригановъ,

Окончивъ дни разнуданнаго зла,
Цареубійствъ и сказочныхъ романовъ.
И Ты вступилъ на заповѣднй тронъ
Съ душой отзывчивой, прямой и благородной,
Престолу даровавъ незыблемый законъ,
Скрѣпленный узами твердыни первородной.
Трудился Ты во имя общихъ благъ,
Свершая мудрые спасительные сдвиги,
А вокругъ Тебя коваль измѣну врагъ,
Плетя въ тиши коварныя интриги,
Ты-жъ былъ одинъ, какъ прежде, какъ всегда,
Не находя сочувствія у свѣта,
Зажавъ въ рукахъ строптивые года
Желѣзной волей витязя-аскета.
Какъ умилялись честныя сердца,
Когда, возмездіемъ священнымъ окрыленный,
Въ гробу короновалъ Ты мертвago Отца —
Похищенной убійцами короной...
Да, былъ воистину Ты Рыцаремъ-Царемъ,
Храня въ душѣ величье Самодержца,
И, какъ Помазанникъ, Ты правилъ алтаремъ,
Отдавъ ему свою святыню сердца.
Воздвигнувъ пастырей изъ закоснѣлой тьмы,
Приведшей ихъ къ нуждѣ и умаленью,
Ты просвѣщаль наукой ихъ умы,
Готовя ихъ къ высокому служенью.
Ты обезпечивалъ спокойный сельскій трудъ,
Давалъ правителей годами умудренныхъ,
Установилъ нелицемѣрный судъ
И защищаль всемѣрно угнетенныхъ.
Твоей души не подкупала лесть,
Придворнымъ прихвостнямъ жилось съ Тобой несладко,
Цѣнилъ Ты въ людяхъ правду, долгъ и честь,
Являясь символомъ закона и порядка.
И въ дни безумія заморскихъ бунтарей
Вождю любимому Ты отдалъ повелѣнье,
Сказавъ ему: „Иди, спасай царей! “...
И онъ пошелъ и подавилъ волненье.
Дивился мѣръ на русскіе полки,
Любуясь мощностью стихійной ихъ лавины,
И Альпы встрѣтили побѣдные штыки,
Склонивъ покорно снѣжныя вершины.
Гремѣла слава сказочныхъ орловъ,
Царилъ надъ ними геній ихъ — Суворовъ,
А тамъ, на Ладогѣ у невскихъ береговъ,
Сплетались нити тонкихъ заговоровъ.
Походъ на Индію блистательныхъ дружинъ
Былъ для Тебя смертельнымъ приговоромъ
И умеръ Ты, державный паладинъ,
Съ отвагой рыцарской и царственнымъ укоромъ.
Злодѣйка Англія — гремучая змѣя —
Тебя ужалила неумолимымъ жаломъ,
Чтобъ отстранить опасность лезвія,
Грозившаго британскимъ феодаламъ.
Рабы сановные, сомкнувшись въ тѣсный кругъ,
Въ глухую ночь, во славу Альбіона,
Забывъ присягу безкорыстныхъ слугъ,
Убили Стража Вѣры и Закона.
Убили рыцаря Господняго Креста,
И, посрамивъ правдивыя скрижали,
Историковъ продажныя уста,
Передъ потомками Тебя оклеветали...
Но день придетъ и въ прежней чистотѣ,
Для назиданія грядущихъ поколѣній,
Воспрянетъ истина въ священной наготѣ,
Освобожденная отъ долгихъ заблужденій.

Рожденные столѣтней клеветой,
Разсѣются всѣ призраки обмана,
И встанетъ въ славу Праведникъ Святой
Изъ гроба мрачнаго „безумнаго тирана”...

Сергѣй Бехтѣевъ

„Кроткій и незлобивый, П. Н. Шабельскій-Боркъ горѣлъ священной ненавистью къ врагамъ и предателямъ Россіи. Въ 1922 году въ Берлинѣ раздался выстрѣлъ: Петръ Николаевичъ рѣшилъ отомстить Милюкову, первому, кто осмѣлился съ трибуны Государственной Думы бросить клевету противъ Государыни Императрицы Александрѣи Феодоровны.

За это покушеніе, жертвой котораго случайно явился другой революціонный дѣятель — Набоковъ, П. Н. Шабельскій-Боркъ и его другъ С. В. Таборицкій были приговорены къ тяжелому тюремному заключенію. Своимъ выстрѣломъ, мстя за поруганную отчизну, за цареубійство, за преступленія революціи, Петръ Николаевичъ вызвалъ искреннее восхищеніе въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, вѣрныхъ престолу и отечеству”.

В. М.

ДОРОГИМЪ УЗНИКАМЪ

(Посвящается П. Н. Шабельскому-Боркъ и С. В. Таборицкому)

„Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя...”
(Еванг. отъ Іоанна гл. 15, ст. 13).

Страдальцы милые за истину святую,
Борцы безстрашные мятежныхъ нашихъ дней!
Вы обнажили мечъ въ годину роковую
За право и за честь поруганныхъ людей.
    Вы встали на враговъ надменныхъ и лукавыхъ,
    Презрѣнныхъ прихвостней предательства и зла,
    Потрясшихъ красоту устоевъ величавыхъ
    И нашу родину разрушившихъ до тла.
Нѣтъ! Не убійцы вы! Пусть судъ вашъ строгъ и гнѣвнень,
Возмездье грозное по совѣсти творя,
Вы мстили палачамъ за кровь Святыхъ Царевнень,
За смерть Царевича, Царицы и Царя.
    Вы мстили за развалъ истерзанной отчизны,
    За наглую хулу, измѣну и позоръ,
    За муки горькія кровавой русской тризны,
    За смѣхъ кощунственный и дьявольскій терроръ.
За нашихъ пастырей, умученныхъ въ плѣненьи,
За мерзость оргіи кровавыхъ темныхъ силъ,
За слезы вдовъ, за вопли о спасеньи,
За тѣни скорбныя безчисленныхъ могилъ!...
    Вдали отъ родины, въ тоску уничиженья,
    Подъ игомъ не склонивъ покорной головы,
    Примѣръ высокаго идейнаго служенья
    Во мглы безвременья явили міру вы....

Памяти П.Н. Шабельскаго-Боркъ

18 августа 1952 г., въ санаторіи Sta. Maria, въ далекой Аргентинѣ почилъ отъ туберкулеза легкихъ Петръ Николаевичъ Шабельскій-Боркъ. Ушелъ въ лучший міръ хороший, прекрасный человекъ... Человекъ великой

скромности, безсребреникъ. Патриотъ великаго сердца. Ушель вѣрный сынъ Императорской Россіи и доблестный офицеръ Императорской Арміи...

Въ настоящей замѣткѣ мнѣ хотѣлось бы посильно освѣтить духовный обликъ почившаго. Люди, ему подобные, встрѣчаются нечасто.

Петръ Николаевичъ Шабельскій-Боркъ
(Старый Кирибѣй)
1896-1952

Не гнавшійся за житейскимъ благополучіемъ, ничего для себя не искавшій, почившій Петръ Николаевичъ жилъ исключительно интересами беззавѣтно имъ любимой родины и неразрывно связанной съ Ея судьбами Династіей. Чуждый тѣни какихъ-либо сдѣлокъ съ совѣстью, Петръ Николаевичъ до послѣдняго вздоха исповѣдывалъ вѣрность нашему, тысячелѣтнимъ опытомъ проверенному лозунгу — за Вѣру, Царя и Отечество. Вѣрность эту онъ доказалъ и своей службой родинѣ, оставшись инвалидомъ послѣ нашей Великой войны 1914 года, въ которой онъ принималъ участіе до конца, несмотря на полученныя раненія (у него были прострѣлены легкія въ кавалерійской атакѣ) и своими работами въ эмиграціи.

Позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Къ началу настоящаго столѣтія Россія стояла на порогѣ невиданнаго расцвѣта своихъ силъ и возможностей. Несмотря на неудачную Японскую войну и безпорядки 1904-5 годовъ, поступательная энергія страны принимала все большій и большій размахъ. Въ обстановкѣ — немислимой сейчасъ и представить — свободы Царскаго режима созидательныя стремленія націи развертывались широко и безпрепятственно. Въ области мышленія намѣтился опредѣленный переломъ въ сторону реальности. Кабинетно-безнадежныя стоны русской интеллигенціи; заумныя вѣщанія недавнихъ властителей думъ; упадочническая литература — теряли кругъ слушателей и почитателей. Наиболѣе одаренные и независимые представители націи, не терявшіе связи съ народной толщей, отгораживались отъ недавнихъ наважденій. Тиражъ „Русскаго Богатства” падалъ, такъ называемая профессорская газета, „Русскія Вѣдомости”, получаемыя больше для контенансу (т.е. ради тщеславия и вида), оставались на столахъ получателей нераспечатанными грудями... Молодежь, студенчество — устремились въ своемъ большинствѣ въ сторону пракческаго дѣла. Мережковскіе, Ивановы, Бѣлые допѣвали свои пѣсни по разнымъ Зеленымъ Лампамъ и Бродячимъ Собакамъ, вывариваясь въ соку отживающей кружковщины...

Намѣтившееся отрезвленіе привело къ открытію подлиннаго Лика Россіи и вылилось въ борьбу съ традиціоннымъ оплеваніемъ нашего прошлаго; въ пересмотръ нашего былого; въ розыскъ забытыхъ (а порой и отвергнутыхъ) матеріаловъ; въ любовное собираніе сокровищъ нашего культурнаго богатства и въ очистку нашего историческаго Лица, изуродованнаго гримомъ прогрессивныхъ тенденцій предыдущаго столѣтія. Теченіе это принимало широкіе размѣры. Преклоненіе предъ авторитетами установившихся трафаретовъ пониманія нашей исторіи и русскаго національнаго характера уступало мѣсто поискамъ русской самобытности во всѣхъ областяхъ проявленія русскаго генія... Все это было поглощено хаосомъ русскаго безвременія, приведшаго нашу родину къ неслыханному порабоженію ея преемниками „сѣятелей разумнаго, добраго, вѣчнаго”... Однако, теченіе это не заглохло, не растворилось безслѣдно. Оно пробилось и пробивается къ жизни крѣпкой, могучей струей и среди захлестнуващаго Россію моря казенной лжи и „соцзаказовъ” официальной мысли (свидѣтельствомъ является рядъ трудовъ и монографій, выходящихъ нынѣ въ подъяремной Россіи) и за границей, въ эмиграціи — въ видѣ посильныхъ вкладовъ въ нашу національную сокровищницу отдѣльныхъ самоотверженныхъ работниковъ.

Къ числу таковыхъ принадлежалъ и Петръ Николаевичъ Шабельскій-Боркъ. Владѣя перомъ, широконачитанный и образованный человѣкъ, Петръ Николаевичъ посвятилъ свои силы на собираніе и сохраненіе для потомства тѣхъ чертъ и черточекъ нашаго былого, въ которыхъ ярко выявлялись лучшія качества русскаго человѣка — отъ Монарха до простолюдина; гдѣ сквозили черты нашего народнаго Генія; гдѣ проглядывали во всей непосредственности воззрѣнія нашего народа на существо Власти и Ея Носителей... Въ своихъ короткихъ разсказахъ, которымъ почившій любилъ придавать форму художественнаго лубка, Петръ Николаевичъ порой возвышался до подлиннаго пафоса и лубки „Стараго Кирибѣя” нерѣдко вызывали благодатно-просвѣтленную слезу на глазахъ взволнованныхъ читателей. Стоитъ вспомнить послѣдній очеркъ почившаго „Орелъ Всероссійскій”.

Петръ Николаевичъ далъ рядъ картинъ и набросковъ отошедшаго быта, съ его праведниками, безхитростными слугами Царя и Отечества; историческія зарисовки извѣстныхъ (а часто до него и неизвѣстныхъ) событій и персонажей, показавъ порой фигуры нашихъ незабвенныхъ Вѣнценосцевъ въ ихъ дѣйствительный ростъ. Не обошелъ онъ молчаніемъ и ушедшее корнями въ глубины нашей исторіи Старообрядчество. Къ чему бы ни прикоснулся Старый Кирибѣй — все носитъ отпечатокъ великой любви къ Россіи, Ея Славѣ и прошлому.

Работая въ тяжелыхъ условіяхъ эмигрантскаго быта, урывая время отъ сна и отдыха и перенапрягая свои и безъ того подорванныя силы, Петръ Николаевичъ мечталъ собрать свои вещи, разсѣянные по повременнымъ изданіямъ съ тѣмъ, чтобы выпустить ихъ отдѣльнымъ сборникомъ „Россійскіе Самоцвѣты“, какъ онъ предполагалъ его озаглавить. Богъ не судилъ осуществиться этому желанію.

—

Но не “Россійскіе Самоцвѣты” составляли главный интересъ Петра Николаевича. Въ силу личныхъ, сложныхъ и глубокихъ переживаній, порой граничившихъ съ чудеснымъ — Старый Кирибѣй еще въ Россіи сосредоточилъ свое вниманіе на память убіеннаго Императора Павла Петровича. Собралъ огромный матеріалъ, — печатный, изустный и рукописный, овладѣвъ въ совершенствѣ эпохой, Петръ Николаевичъ проникся чувствомъ благоговѣйнаго почитанія умученнаго Вѣнценосца и поставилъ себѣ задачей борьбу за возстановленіе Его дѣйствительнаго облика. Въ условіяхъ эмиграціи пришлось ограничиться замѣтками, статьями, небольшой брошюрой. Однако и этотъ скромный трудъ принесъ **плодъ много**, открывъ большому, очень большому кругу русскихъ людей глаза на образъ Державнаго Страстотерпца, оклеветаннаго современниками и исторіей, и давно признаннаго русскимъ народомъ Заступникомъ безвинно-страдающихъ, обиженныхъ и гонимыхъ.

За кончиной рыцаря — убіеннаго Государя — позволительно повѣдать, что беззавѣтная любовь и преданность Петра Николаевича Его памяти встрѣтила какъ бы нѣкій чудесный откликъ со стороны послѣдняго. Въ рукахъ почившаго, за время проживанія его въ Берлинѣ, накопился богатый матеріалъ въ видѣ книгъ, портретовъ, грамотъ, медалей, записокъ и всякихъ сувенировъ Павловской эпохи. На пріобрѣтенія подобнаго характера у Петра Николаевича средствъ не было. Вещи, какъ говорится, поступали сами собой, поступали отовсюду, по большей части отъ неизвѣстныхъ. Притокъ таковыхъ былъ особенно замѣтенъ къ датамъ рожденія, Тезоименитства и убіенія Государя Павла Петровича. Явленіе это было настолько постояннымъ, что давало поводъ близкимъ Петру Николаевичу людямъ (какъ напр. ген. Бискупскій, дѣлившій съ нимъ квартиру въ Берлинѣ) накануне такихъ датъ загадывать — вспомнить ли Государь Императоръ своего вѣрнаго Паладина? Ко всеобщему удивленію, эти ожиданія обмануты не бывали.

Судьба собраннаго и хранимаго съ такою любовью, къ сожалѣнію, неизвѣстна. (Все погубило при одномъ изъ американскихъ налетовъ на Берлинъ. Отъ дома ничего не осталось. Е. Б.). Собраніе пришлось покинуть въ связи съ событіями Послѣдней Войны. Однако, добравшись въ Буэносъ-Айресъ, Петръ Николаевичъ сообщилъ мнѣ въ первый же годъ своего пребыванія въ Аргентинѣ, что благоволеніе Императора его не покинуло: ко дню кончины Павла Петровича Старый Кирибѣй былъ порадованъ присылкой, по его словамъ, великолѣпнаго Портрета Е. И. Величества отъ невѣдомаго ему лица. Это обстоятельство необычайно ободрило удрученнаго потерей собранія Петра Николаевича и придало ему новыя силы въ его работѣ.

Человѣкъ добрѣйшей души, умудрявшійся изъ своего скромнаго заработка откликаться на нужды и несчастія, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣтилъ, Петръ Николаевичъ умѣлъ горѣть священной ненавистью въ отношеніи поработителей нашей родины и ея предателей. Какъ извѣстно, и въ этой области онъ остался небездѣйственъ и дорого заплатилъ за попытку убрать съ жизненной арены презрѣннаго Милюкова.

Наряду съ небольшой дозой присущаго ему чудачества, Петръ Николаевичъ владѣлъ завиднымъ даромъ беззавистой радости чужому успѣху. Никто такъ не сіялъ и не ходилъ такимъ именинникомъ, какъ Старый Кирибѣй, когда становились извѣстными удача и успѣхи его знакомыхъ и близкихъ...

Да будетъ ему легка далекая, пріютившая его земля. Да проститъ ему Господь его вольныя и невольныя... Да приметъ въ селеніяхъ праведныхъ и да пошлетъ чистой душѣ его вѣчный покой... А за брэнностью жизни человѣческой — долгую, долгую память среди знавшихъ и любившихъ его.

В. Звѣревъ

СТАРЫЙ КИРИБЪЙ

ПАВЛОВСКІЙ ГОБЕЛЕНЪ

„Не намъ, не намъ, а имени Твоему“.
Надпись на рубль-крестовикѣ.

I.

Какъ-то разъ, среди руинъ разгромленной Германіи, въ длительной бесѣдѣ отводили мы душу. Всѣ мы перебивали между молотомъ и наковальней и спаслись только чудомъ. А въ такомъ случаѣ всегда беретъ верхъ мистическое начало.

— Въ были о Павловскомъ гобеленѣ, которую я расскажу, — началъ одинъ изъ насъ, — нѣтъ ни тѣни преувеличенія...

— Съ юныхъ лѣтъ моих и до настоящихъ сѣдинъ Императоръ Павелъ Первый былъ моимъ особымъ культомъ. Помните мои „Павловскія“ стѣны, сплошь увѣшанныя рѣдкими гравюрами чуть ли не со всѣхъ портретовъ Императора-Мученика? Помните его портретъ-унику въ рамѣ моренаго дуба, въ формѣ его Преображенскаго Лейбъ-Гвардіи полка, съ Мальтійской цѣпью на груди — послѣдній портретъ, написанный съ Него лично за годъ до кончины? И складень изъ двухъ снимковъ съ Павловскаго гобелена, подъ Спасомъ Нерукотвореннымъ, въ святомъ углу, въ отблескѣ алой лампы?...

— Какъ вы знаете, складень этотъ, какъ бы завершившій собой мою Павловскую коллекцію, погибъ при пожарѣ во время воздушнаго налета. Погибъ вмѣстѣ съ дивнымъ портретомъ моего любимца-Царя, архивомъ и всѣми остальными коллекціями...

— Но вѣрна Евангельская истина: „...аще зерно пшенично, падъ на земли, не умреть, то едино пребываетъ. Аще ли умреть — много плодъ сотворить“ (Іоан. 12, 24).

Образы встаютъ въ памяти куда живѣе и ярче, чѣмъ прежде. Пусть временно не будетъ на каждый приведенный фактъ оправдательнаго документа, пусть единственнымъ архивомъ для историческихъ справокъ служить лишь память — исправить потомъ всѣ эти неточности будетъ не трудно...

— Во время моихъ долготѣнихъ изысканій, нѣсколько разъ пришлось мнѣ столкнуться со смутными упоминаніями о какомъ-то таинственномъ гобеленѣ, сыгравшемъ роковую роль въ судьбѣ Императора Павла Перваго...

— В старинномъ описаніи путешествія графа Сѣвернаго съ супругой по Европѣ, подъ каковымъ именемъ въ 1781-1783 годы совершалъ поѣздку эту Наслѣдникъ Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, — въ описи подарковъ, полученныхъ четою Сѣверныхъ отъ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты, значился и гобелень „Школа въ Афинахъ“ Рафаэля.

— Путешествіе это было, пожалуй, единственнымъ счастливымъ временемъ въ многоскорбной жизни Императора Павла Петровича, и вспоминалъ Онъ о немъ постоянно. О томъ же — какое впечатлѣніе произвели всюду супруги Сѣверные — слѣдуетъ лишь обратиться къ иностраннымъ источникамъ того времени...

Въ одной изъ старинныхъ хроникъ говорится объ осмотрѣ Императоромъ Павломъ Первымъ вновь отстроеннаго Михайловскаго замка. Въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича Александра Павловича, графа Палена и остальной свиты, слѣдуетъ Императоръ по длинной амфиладѣ различныхъ залъ и покоевъ. Шестіе проходитъ Рафаэлевскую галерею. Вдругъ, въ замѣтномъ волненіи, Государь останавливается передъ гобеленомъ „Школа въ Афинахъ“. То ли передъ Нимъ предстали окровавленные головы Его вѣнценосныхъ друзей Людовика и Маріи Антуанеты, то ли царское сердце-вѣщунъ почувало собственную страшную судьбу? Что это за гобелень, знали отлично и Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Павловичъ, и вся Свита...

— Этому гобелену здѣсь не мѣсто, — замѣчаетъ въ раздумьѣ Императоръ Павелъ Петровичъ. Перенесите его въ мою спальню. Я потомъ самъ укажу мѣсто...

Замечательно, что въ эту эпоху существовало повѣрье, что подарки Людовика и Маріи Антуанеты не приносятъ счастья. Принесъ несчастье Императору Павлу Первому и этотъ гобелень. Самъ того не вѣдая, Онъ пошелъ навстрѣчу Своему ужасному року.

— О чудесномъ „коврѣ“, указавшему убійцѣ Царя Павла Петровича, слышалъ я въ дни дѣтства отъ своего маститаго друга-кучера. А повѣдалъ о томъ его отцу родной прадѣдъ, стоявшій тогда часовымъ въ самомъ дворцѣ. Другихъ подробностей сообщить старый кучеръ не могъ, не много еще понималъ и я — остальное все намъ подсказывало сердце.

— Лѣтъ пять-шесть назадъ, въ нѣмецкихъ газетахъ нашель я не только описаніе, но и подробную исторію Павловскаго гобелена.

Между проданными за границу в тридцатых годах настоящего столетия русских коллекций и картин, один из музеев в Лейпциге, среди других вещей, подобрал совершенно изъеденный молью гобелен. По всем признакам, гобелен долгое время покоился где-то под спудом, прежде чем снова увидит свет Божий.

Гобелен решено было реставрировать, и его отдали одной особо опытной специалистке.

На следующий день, сильно взволнованная, мастерица влетела в кабинет директора музея и заявила, что категорически отказывается реставрировать гобелен. Бог с ним, с этим гобеленом. На нем имются следы чьей-то крови, отпечатки окровавленных рук. Налицо какое-то преступление, кто-то был убит, и гобелен является безмолвным свидетелем жуткой тайны...

— Дирекция музея заинтересовалась гобеленом уже не только с художественной, но и с исторической точки зрения.

— Ибо, хоть преступление и было очевидно, но судя по поблекшим пятнам крови и другим признакам, убийство не могло относиться к нашей эпохе и свершилось не менее столетия назад...

— Гобелен этот именно и был „Школа в Афинах” Рафаэля. Это и приняли за отправную точку следствия.

— Когда и откуда мог быть вывезен гобелен в Россию? Кому принадлежал? Кто был на нем убит? Обнаружилось ли преступление или было погребено вместе с обличителем-гобеленом?...

— Установили наличие одинакового гобелена той же работы в Ватиканской библиотеке. Из Ватикана след, как и мой начальный, привел к королю Людовику XVI, а от него к Императору Павлу Первому...

— В опочивальню Павла Первого в Михайловском замке гобелен этот помещался перед дверью в потайной ход, ведущий между двумя стенами. Плохо прикрепленный сверху, — что могло быть подстроено и умышленно, — гобелен сорвался и, точно саваном, опустился на Императора, когда Он хотел спастись от ворвавшихся убийц...

— Если гобелену такое внимание уделил немецкий музей, вообразите, какое впечатление произвела на меня эта полностью разгаданная полуторговская тайна. В тот же день в Лейпциг срочно полетело письмо...

— Наша эмигрантка, надо отдать должное, проявила к замкам исключительное внимание. Я получил ряд интересных и чутких писем. Некоторые содержали богатые, вряд ли кому известные, материалы о царевубийстве 11-го марта 1801 года и — новые подробности о гобелене...

— „Непостижимы судьбы Божии” — вдумчиво откликнулся широко известный своими воспоминаниями писатель — „не кроется ли в чудесном обречении гобелена предсказание о будущем прославлении Императора Павла Первого? О чем свидетельствуют сотни чудес на Его гробнице в Петропавловском соборе? Не достоин ли Павел Первый причисления к лику святых мучеников, наподобие князя Михаила Черниговского, — в день памяти коего Он родился? Не покроет ли гобелен этот честные останки Царя-Мученика? “...

— Помните профессора А.? При каждой встрече милый Василий Сергеевич здоровался со мной неизменной укоризной: „Большой грех берете Вы на душу перед Императором Павлом Петровичем. Как можете Вы „павлолог”, до сих пор не воспользоваться такой замечательной темой, как Павловский гобелен? “

— Уж я и сам думаю. Но как-то не рвешься беречь свяжия раны некоторых родов, подаривших России, вопреки недостойным предкам, многих достойных и верных слуг...

— Потомки не ответственны за темные деяния предков...

— Время шло, а от Лейпцигского музея не было ни слуха, ни духа. Признаться, я потерял уже надежду. Наступил день 3-го октября, т. е. 20 сентября по старому стилю — день рождения Императора Павла Петровича. А ко дню рождения и ко дню кончины Императора Павла Первого, надо заметить, как бы по традиции, от многих друзей, — впрочем нерядко и совершенно случайно, — получал я что-либо связанное с памятью любимого царя — большей частью гравюры. По этому поводу мой большой, ныне покойный, друг-начальник, с которым нас спаяли долгие годы совместной жизни, очень мило и, как всегда, осторожно приговаривал с улыбкой: „...и препроводя при сем вам Наш портрет, пребываем к вам неизменно благосклонный. Павел. “ В описываемый день ни с утренней, ни с обденной почтой ничего не было. — Ну как, получил ли ты неизменный знак благоволения Его Величества Государя Императора Павла Петровича? — осведомился „под вечер осени ненастной” мой друг.

— Никак нет. Не каждый же раз...

— Эээ... нехорошо. Не иначе, как Император Павел Петрович на тебя за что-то гневается. В чем нибудь да провинился...

В это время вечерняя почта приносит мне толстый заказной пакет. Взглянув мельком на штемпель „Лейпциг”, не открывая, я подаю его другу:

— Пожалуйста. Прошу вскрыть...

— Это что? От кого?

Внимательно прочитаю письмо и просмотрю несколько больших, 18x24, фотографий, мой друг

передалъ все мнѣ:

— Это прямо замѣчательно...

— Въ долгожданномъ, — чуть ли не два мѣсяца, — письмѣ директоръ Лейпцигскаго музея благодарилъ меня за мое письмо, помогшее установить новыя данныя о гобеленѣ, и приносилъ свои извиненія, что такъ задержался съ отвѣтомъ. Задержку же объяснялъ тѣмъ, что не были готовы фотографіи съ гобелена, — до и послѣ реставраціи, — которыя рѣшили переслать непременно мнѣ...

Вдвоемъ мы долго внимательно разсматривали снимки.

— Смотри, — замѣтилъ другъ, — всюду пройдено молью, а тамъ гдѣ кровь — цѣло. Только въ этомъ мѣстѣ тронута слегка. Хорошо, что так и оставили слѣды крови при реставраціи...

На несколько мгновеній воцарилось молчаніе, а потомъ мой другъ произнесъ задумчиво:

— Вотъ что. Выбери изъ присланныхъ фотографій двѣ. Я думаю — эти, и сдѣлай для нихъ, какъ ты умѣешь, изъ баста свои художественныя рамки. Я бы помѣстилъ ихъ, въ видѣ складня, вотъ сюда, подъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго. Пусть отблескъ неугасимой, хотя бы электрической, лампы падаетъ на слѣды крови Русскаго Царя-Мученика — по мѣткому выраженію Николая Давидыча. Устрой символически гробницу Павла Петровича въ Петропавловскомъ соборѣ, которой лишены мы теперь...

И, отрешась отъ нашего вѣка, мы перенеслись духомъ въ Павловскую эпоху. Магической силой мышленія стерли полуторавѣковую грань и вызвали къ жизни давно минувшіе годы. Сверху, словно живой, съ портрета смотрѣлъ на насъ убиенный Самодержецъ Всероссійскій...

Обращаясь къ нему, сказала я:

— „Блажени есте, егда поносятъ васъ, и ижденуть, и рѣкутъ всякъ золь глаголь на вы лжуше Мене ради...“ — къ кому болѣе, чѣмъ къ Тебѣ, относится эта заповѣдь блаженства?... Твои убійцы, общество Твоей эпохи, а по ихъ лукавымъ сказаніямъ — и историки злостно очернили Тебя, воздвигнувъ надъ Твоей памятью башню клеветы, лжи и сплетень. Но въ противовѣсъ имъ встаетъ несокрушимый строй иныхъ правдивыхъ свидѣтельствъ въ Твою пользу и оправданіе. Впереди этого строя идутъ „Записки генерала Саблукова“, — полковника вѣрной Тебѣ Конной Гвардіи, — хоть и подпавшихъ въ важныхъ мѣстахъ особой цензурѣ, ибо изданы были въ Англии...

— Развѣ Ты первый и послѣдній монархъ, завѣдомо оклеветанный исторіей? Не оклеветанъ ли, какъ Ты, за свою борьбу съ боярствомъ, въ коемъ назрѣвалъ опасный феодализмъ, мудрѣйшій русскій самодержецъ Іоаннъ Грозный? Не палъ ли жертвой тѣхъ же боярскихъ интригъ и клеветы лучшей изъ русскихъ царей — Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, такъ много давшій народу за свое краткое царствование?... Царь Иванъ Васильевичъ, гласомъ народнымъ названный „Грознымъ“, былъ дѣйствительно грозенъ, да только, какъ и Ты, — въ отношеніи высшихъ классовъ, а не простого народа. Недаромъ въ теченіе вѣковъ именно на гробницу Грознаго Царя въ Архангельскомъ соборѣ простой людъ клалъ свои челобитныя...

Долгими годами изучалъ я Твою личность и психологію Твоей эпохи. И любо было мнѣ уличать въ постоянныхъ противорѣчій Твоихъ недруговъ, добиваться до истоковъ какой-либо клеветы. Все болѣе свѣтлѣлъ предо мной Твой обликъ, Державный Паладинъ. Изъ гроба, вмѣсто мрачнаго изверга, возсталъ Ты въ святомъ сіяніи Царя-Мученика...

— Какъ ты думаешь? Можно ли чтить Императора Павла Петровича, какъ святого, какъ чтить его нашъ простой народъ? Вѣдь онъ не канонизированъ Церковью, хотя въ Триестенской библіотекѣ, какъ зѣница ока, и хранится, ставшая теперь рѣдчайшей уникай, брошюра, изданная въ свое время причтомъ Петропавловскаго Собора о случаяхъ чудесъ на гробницѣ Императора Павла Перваго, каковыхъ удостовѣрено не менѣе трехсотъ. Съ брошюрой этой я ознакомился у одного изъ старыхъ офицеровъ Павловскаго лейбъ-гвардіи полка, столь же вѣрнаго культу Императора Павла Петровича, какъ и я. Да и самъ я — не испыталъ ли на себѣ Его чудесную силу?...

— Къ канонамъ надо относиться строго, но не узко — отозвался мой другъ. Порою въ гласѣ народномъ дѣйствительно слышится гласъ Божій, а къ гласу Божию всегда чутко прислушивалась наша Церковь. Ты же лишь отраженіе гласа народнаго...

— Такъ и есть, — подтвердилъ я, — съ любовью народной къ этому Царю весь слился воедино. „Не хочешь ли ты пройти со мной въ Петропавловскую крѣпость поклониться Батюшкѣ Павлу Петровичу?“ — говорила мнѣ, бывало, еще крохотному карапузу, моя няня...

— Суемудрая исторія тщится изобразить Павла Перваго неуравновѣшеннымъ, сумбурнымъ деспотомъ, а народъ любовно величаетъ Его „Батюшкой Павломъ Петровичемъ“. Что за рѣзкій контрастъ? Въ чемъ смыслъ подобнаго противорѣчія?

— Возстановленіе дѣйствительнаго образа Павла Перваго и очищеніе Его памяти передъ потомствомъ отъ возведенной на него клеветы постепенно сдѣлалось цѣлью моей жизни. Разбитые на голову въ спорѣ, не разъ бѣжали отъ меня въ паникѣ „ученые знатоки Павловской эпохи“. Не умомъ, а сердцемъ понималъ я, почему на гробницу Павла Петровича въ Петропавловскомъ соборѣ народъ нашъ приносилъ свои прошенія и, какъ съ живымъ, дѣлился съ убиеннымъ Самодержцемъ своими печалемъ и нуждами.

— Она всегда предъ моими глазами, заповѣдная Царская гробница, всегда вся въ свѣчахъ и живыхъ цвѣтахъ, горящая какъ свѣтъ невечерній, своей отвѣтной любовью народу...

— Послѣ смерти Павелъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ при жизни Своей. Отъ знаменитаго ящика у Зимняго

дворца, ключъ отъ коего находился у него лично, куда первый сановникъ и послѣдній простолудинъ могли бросить свои прошенія, обратиться къ непосредственной царской защитѣ или милости, путь пролежъ къ императорской могилѣ въ Петропавловскомъ соборѣ. Императоръ Павелъ Петровичъ самъ, ежедневно, вынималъ изъ ящика и прочитывалъ прошенія своихъ подданныхъ, и уже мертвый, внималъ ежедневно такимъ же прошеніямъ потомковъ своихъ подданныхъ...

— Родилась и укрѣплялась въра народная, что отъ Господа силъ Императору Павлу Петровичу дарована особая власть спасать и защищать безвинно страждущихъ...

— „Ибо, — гласитъ Премудрость, — предъ лицемъ человѣческимъ аще и муку примуть, упованіе ихъ безсмертія исполнено”...

II.

Какъ сонъ-видѣніе, предстаеъ передо мной торжественный въѣздъ новаго Императора Павла Перваго въ Первопрестольную столицу во время коронаціи въ апрѣлѣ 1797 года...

— Гудитъ и несется колокольный звонъ всѣхъ сорока сороковъ храмовъ и церквей Московскихъ. На своей знаменитой „Помонѣ” Государь одинъ, безъ всякой охраны, среди необозримыхъ волнъ народа. Простой людъ, вплоть до пекарей Московскихъ и крѣпостныхъ — у царскаго стремени. Для каждаго у Царя находится ласковое слово, слово ободренія и надежды на лучшую жизнь...

Въ груди у Павла отрада. Это Его праздникъ, Его триумфъ, счастливѣйшій день жизни. Онъ и народъ — одно. Да сгинетъ средостѣніе и да будетъ единъ пастырь и едино стадо. Помните „Жизнь за Царя”, какъ поется: „Широко Царево сердце — хватитъ мѣста всей Руси”?...

— Родные мои, — приподымаясь на стременахъ, звонко восклицаетъ Павелъ. — Какъ только могу, и въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ, хочу помочь вамъ, облегчить вашу судьбу...

— На мигъ толпа какъ то стихаетъ, потомъ видно, — многіе крестятся, и вдругъ отъ всего сердца вырывается чей-то громкій возгласъ: „Вотъ это такъ Царь!”...

— Словно искра въ пороховой погребѣ, возгласъ этотъ вызываетъ грандіозный взрывъ восторга. Ликующіе перекаты „ура”, какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ, навѣкъ закрѣпляютъ за Павломъ званіе народнаго Царя...

— А сѣрая красавица „Помона”, съ грудью что наковальня, горделиво сгибая крутую шею и перебирая своими точеными ногами, медленно продвигается къ Спаскимъ воротамъ, теряя одну за другой свои серебряныя подковы...

— По традиціи всѣ четыре подковы для коронаціоннаго торжества ковались непременно изъ одного и того же самородка русскаго серебра. Каждая подкова прикрѣплялась всего нѣсколькими гвоздями съ тѣмъ, чтобы при въѣздѣ въ Москву конь потерялъ бы на счастье народное всѣ четыре подковы...

— Какіе счастливыцы подняли подковы Павловскаго коронованія? До революціи одна изъ нихъ еще хранилась въ музеѣ Конюшеннаго Вѣдомства...

— По совершеніи церковнаго чина священнаго коронованія, — какъ сообщаетъ изданный министерствомъ императорскаго двора въ 1899 году „Коронаціонный Сборникъ”, — нововѣнчанный Императоръ Павелъ Первый, вставъ съ трона, громко прочелъ составленный Имъ законъ о порядкѣ престолонаслѣдія, ставшій съ того дня Основнымъ Государственнымъ Закономъ. Сойдя затѣмъ съ трона, Онъ вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ на жертвенникъ Успенскаго собора въ особый — нарочито для того устроенный серебряный ковчегъ...

— Актъ этотъ былъ составленъ еще 4 января 1788 года, отъ имени наслѣдника цесаревича и великаго князя Павла Петровича и Супруги Его, великой княгини Маріи Ѳеодоровны, и подписанъ ими обоими. Высочайшее же утвержденіе этого акта, въ качествѣ закона, 5 апрѣля 1797 года, послѣдовало по формѣ: „Вѣрно. Павелъ”.

— Павелъ Первый въ вопросѣ о престолонаслѣдіи выше воли Императора поставилъ незыблемый законъ, прямымъ заданіемъ коего является обезпеченіе законной преемственности Императорской власти.

Говоромъ шла Москва, а за ней и вся Россія о Царскомъ Манифестѣ 5-го апрѣля 1797 г.

— Крѣпостные крестьяне впервые приводятся къ присягѣ на вѣрность, какъ „любезные подданные”...

Вмѣсто полной недѣли — крѣпостные впредь должны работать на помѣщика только три дня, три другихъ дня на себя, день же воскресный посвящать по заповѣди Господу Богу...

Для своего вѣка это была подлинно та царская „Золотая грамота”, мечту о которой вѣками лелѣялъ нашъ народъ. По существу половина реформы 19 февраля 1861 года, — заложенный съ высоты престола фундаментъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Кто знаетъ, останься въ живыхъ Императоръ Павелъ Петровичъ, не довелъ бы Онъ до конца дѣло освобожденія крестьянъ, не сталъ бы Царемъ-Освободителемъ?...

— Этотъ манифестъ вызвалъ въ обществѣ рѣзкую критику и недовольство противъ Павла Перваго.

„Это та же революція, только сверху... Что онъ думаетъ?... Сумасшедшій... „Мужицкій Царь”...

Народу было любо широкое сердце Царево. Общество думало иначе.

Далѣ слѣдовали новые „ужасы”, новые приступы „безумія” Павла...

— Павелъ ограничиваетъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, запрещая подвергать имъ достигшихъ семидесятилѣтняго возраста.

— Велико было Его неудовольствіе, когда въ связи со слухами о полной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, одно изъ дворянскихъ депутатскихъ собраній, — въ силу своего права непосредственнаго обращенія къ Государю Императору о пользѣ и нуждахъ государства, — представило ему на благоусмотрѣніе свое мнѣніе, что русскій народъ еще де не созрѣлъ для отмѣны тѣлеснаго наказанія. Въ тотъ же день, Императоръ Павелъ измѣняетъ привиллегію, по коей дворянство до сихъ поръ освобождалось отъ тѣлеснаго наказанія. Осужденные за уголовныя преступленія дворяне впредь отъ него не освобождаются.

Павелъ Первый приказываетъ перелить въ монету дворцовые серебрянные сервизы, дабы поддержать совершенно истощенную въ правленіе Екатерины казну. Онъ говоритъ, что самъ будетъ ѣсть на оловѣ до тѣхъ поръ, пока русскій рубль не дойдетъ до своего курса. Если у кого имѣется рубль-крестовикъ, пусть знаетъ, что онъ вылить изъ дворцоваго серебра, что это — уцѣлѣвшій свидѣтель одного изъ дѣяній Императора Павла Петровича...

— Онъ запрещалъ офицерамъ гвардіи пріѣзжать на ученіе и даже вообще ѣздить въ каретахъ шестерикомъ или четверикомъ, а также кутать руки въ мѣховыя муфты. Запрещается записывать младенцевъ въ гвардію, лишая ихъ несуразной и вредной для службы „выслуги лѣтъ”.

— Новый взрывъ негодованія и затаенной злобы. „То ли было при блаженной памяти Матушкѣ Екатеринѣ”...

— Ни свѣтъ — ни заря, съ пяти утра, Императоръ уже на ногахъ. И всѣхъ заставлялъ работать по Своему неугомонному примѣру. Онъ на вахтпарадѣ, Онъ внезапно на ученіи то въ томъ, то въ другомъ полку — при любой погодѣ, любомъ морозѣ. Куетъ боевую мощь Своей Россійской Арміи. Безпощадно мететъ нерадивыхъ со службы ослушниковъ Своей воли.

— Извѣстенъ случай, когда Павелъ Первый сталъ на защиту крестьянъ, которыхъ помѣщикъ продалъ было порознь, безъ семей и дворовъ, дабы воспользоваться крестьянскимъ имуществомъ. Крестьяне отказались повиноваться, и помѣщикъ донесъ губернатору о бунтѣ. Но тутъ нашла коса на камень. Губернаторъ оказался на высотѣ своего долга, былъ настоящій орелъ, и быстро разобрался въ чемъ дѣло. Получивъ отъ него безпристрастное донесеніе о происшедшемъ, Павелъ объявляетъ сдѣлку недѣйствительной, приказываетъ оставить крестьянъ по своимъ мѣстамъ, а помѣщику сдѣлать отъ Своего имени строжайшій выговоръ. Въ помѣщикѣ заговорила совѣсть: собравъ мѣръ, онъ проситъ у крестьянъ прощенія. Отправившись затѣмъ въ Петербургъ, испрашиваетъ аудиенцію у Его Величества.

— Ну что поладили вы, сударь мой, со своими крестьянами? Что они сказали? — освѣдомился у виновнаго Императоръ Павелъ Петровичъ.

— Они мнѣ, Ваше Величество, сказали: „Богъ проститъ”...

— Ну, разъ Богъ и они простили, и Я тебя прощаю. Да помни впредь, что они тебѣ не рабы, а такіе-жъ Мои поданные, какъ и ты. Тебѣ же только вѣрена забота о нихъ, и ты отвѣтствѣненъ предо Мною за нихъ, какъ Я за Россію передъ Богомъ...

— И вслѣдъ — особымъ указомъ — воспрещаетъ продавать порознь крѣпостныхъ одной и той же крестьянской семьѣ...

— Ко дню пятидесятилѣтія кончины Императора Павла Петровича, потомки этихъ крестьянъ, за которыхъ онъ заступился, несмотря на дальность разстоянія, прислали въ Петербургъ своихъ ходоковъ поставить на Его гробницѣ свѣчу.

— Павелъ Первый значительно улучшаетъ матеріальное положеніе духовенства, способствуя поднятію нравственнаго уровня и авторитета его въ народѣ. По Его личному почину Святѣйшій Синодъ вводитъ награжденіе духовенства золотыми наперсными крестами. До революціи на обратной сторонѣ синодальныхъ крестовъ стояла буква „П” — инициаль имени Императора Павла Петровича. Онъ же первый награждаетъ духовенство свѣтскими орденами, открывая тѣмъ для духовнаго сословія доступъ къ потомственному дворянству.

— Сторообрядцы, ревнители древнихъ устоевъ, тоже почували надъ собою зарю новыхъ дней — Павелъ Первый запретилъ какое бы то ни было преслѣдованіе. Когда сгорѣлъ одинъ изъ Керженецкихъ скитовъ, старообрядцы уже не усомнились непосредственно обратиться къ Нему за помощью, и изъ Собственныхъ Его Величества средствъ скитъ отстраивается заново.

— Старообрядцы особо чтутъ память Императора Павла Петровича, и еще въ наши дни любили держать Его изображеніе подъ образами въ святомъ углу. По старообрядческой примѣтѣ, плохо отозваться о Царѣ Павлѣ можетъ лишь нехорошій человѣкъ, котораго вообще слѣдуетъ опасаться. Только Государь Императоръ Николай Александровичъ, завершившій указомъ о вѣротерпимости отъ 14 апрѣля 1905 года благое начинаніе Павла Перваго относительно старообрядцевъ, сталъ для нихъ столь же близкимъ, какъ и Его державный прапрадѣдъ.

— Царскій заповѣдный ящикъ работаетъ безъ устали. Поздно вечеромъ Императоръ Павелъ лично отпираетъ его и несетъ ворохъ прошеній въ Свой кабинетъ. Засиживается за нимъ далеко за полночь, иногда всю ночь напролетъ. Горе тому, кто обидѣлъ беззащитнаго и слабого, вдову или сиротъ. Горе судьямъ неправеднымъ и жестокимъ. Не спасетъ никакой чинъ, никакое положеніе. Станціонный смотритель, инвалидъ, Суворовскій „чудо-богатырь” бросаетъ жалобу, что избить генераль-адъютантомъ Его Величества за то, что

безъ задержки не могъ доставить лошадей. Императоръ лишаетъ виновнаго генераль-адъютантскаго званія и отставляеть отъ службы...

— „Первый любимецъ, первый сановникъ, — говоритъ А. И. Тургеневъ, — знаменитый вельможа, царедворецъ и послѣдній ничтожный рабъ, житель отдаленной страны отъ столицы — равно страшились ящика... Правосудіе и безкорыстіе въ первый разъ послѣ Петра I ступили черезъ порогъ храмины, гдѣ творили судъ и расправу вѣрноподаннымъ...

— Народъ былъ восхищенъ, былъ обрадованъ, приказанія чтить благодареніемъ, съ неба посланнымъ... Дозволю себѣ смѣло и безбоязненно сказать, что въ первый годъ царствованія Павла народъ блаженствовалъ, находилъ судъ и расправу безъ лихоимства, никто не осмѣливался грабить, угнетать его, всѣ власти предрержащія страшились ящика”...

— Вспомнилось окончательное средостѣніе между трономъ и народомъ. То окруженіе Павла Перваго, тѣ невѣрные царедворцы, „изъ которыхъ, по выраженію Растопчина, — каждый заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда”, не столь боевые „Екатерининскіе орлы” клекотали, сколь шипѣли „Екатерининскія змѣи”.

— Павелъ отлично зналъ цѣну и придворнымъ „Екатерининскимъ змѣямъ”, и высшему обществу. „Вы знаете, какое у меня сердце, но не знаете, что это за люди. Я же знаю, какъ ими управлять нужно” — говорилъ Павелъ еще въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Немало пришлось терпеть ему отъ „змѣй” — съ дѣтства и до восшествія на престолъ...

— Что грѣха таить. Великая Императрица была Екатерина, но плохая мать. Въ Павлѣ Петровичѣ она видѣла скорѣе не роднаго сына, а третьяго и послѣдняго своего соперника изъ законныхъ императоровъ. Два другихъ — Императоръ Иоаннъ Антоновичъ и Петръ Третій, — какъ и Павелъ, были устранены отъ престола путемъ дворцовыхъ переворотовъ. И актъ посмертнаго коронованія Павломъ Первымъ Своего Отца полонъ символическаго урока дворцовымъ заговорщикамъ всѣхъ царствованій...

— Какъ всегда, вмѣсто того, чтобы способствовать улучшенію отношеній между Императрицей-Матерью и Цесаревичемъ-Сыномъ, оба придворныхъ окруженія своимъ вѣчнымъ шопотомъ всячески настраивали ихъ другъ противъ друга. Взять хотя-бъ наставника Павла Перваго — графа Панина, настраивавшаго своего юнаго воспитанника противъ матери всѣми способами. Зазнавшіеся временщики вели себя въ отношеніи Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича столь вызывающе, что Онъ предпочелъ оставаться „Гатчинскимъ узникомъ”, чѣмъ быть при дворѣ Екатерины...

— Однажды Цесаревичу Павлу Петровичу дѣлается недвусмысленное предложеніе о дворцовомъ переворотѣ въ Его пользу, — „само собой разумѣется, съ сохраненіемъ драгоценной жизни Ея Величества”, — на что испрашивается лишь Его принципиальное согласіе. Благородный Павелъ съ негодованіемъ отказывается, а день или два спустя, изъ боязни, что Онъ откроетъ все Матери, Его отравляютъ какимъ-то сильнымъ ядомъ. И хоть врачамъ удастся спасти Цесаревича, но послѣдствія этого отравленія сказываются на Павлѣ всю жизнь. У Павла появляются мучительныя удушья, нѣкоторыя неровности въ характерѣ, которыхъ прежде не было и вполнѣ понятная недовѣрчивость...

— Павелъ великолѣпно учитывалъ бессмысленное увлеченіе общества французской революціей. „Салонный якобинизмъ” причудливо сплетался съ чудовищной распущенностью и разложеніемъ верховъ общества — печальнымъ наслѣдіемъ дней Екатерины. На столь уродливое явленіе Павелъ, какъ Царь, не могъ не обратить вниманія.

— Задача Павла была нелегка. Тѣмъ болѣе, что, во избѣжаніе коренной ломки, къ которой совершенно не была готова Россія, Онъ принужденъ былъ перенять Екатерининскій аппаратъ управленія, лишь отчасти замѣнивъ главныхъ должностныхъ лицъ.

— Павелъ не задумался передъ крутыми мѣрами, чтобы обуздать общество. Можно себѣ представить всю злобу и ненависть „современниковъ”. Всѣ мѣропріятія Его, какъ бы хороши и полезны онѣ ни были, въ глазахъ общества никуда не годились, подвергались рѣзкой критикѣ, осужденію, высмѣиванію. На каждомъ шагу распоряженія Павла искажались до неузнаваемости. Зачастую Ему доносилось одно, а дѣлалось его именовъ совершенно другое, — дѣлалось все, чтобы вызвать недовольство и нареканія. Тайный сботаждъ, интриги, клевета, сплетни сыпались какъ изъ рога изобилія. Особенно въ этомъ отношеніи прославился печальной памяти вице-канцлеръ Панинъ. Словно всѣ сговорились, по лозунгу главы иллюминаторовъ Вейсгаупта: „Calomniez, calomniez, il restera toujours quelque chose”... („Клеветайте, клеветайте, - что-то всегда останется...”)

— Да... Мудрая Царица была Матушка Елизавета Петровна. Смертную казнь отмѣнила, но за злорѣчіе о себѣ повелѣла рѣзать языки. Вырѣжутъ языкъ, ступай куда хочешь. Сразу все, какъ рукой сняло...

— О Павлѣ Петровичѣ достаточно взять извѣстную „клюкву” о никому невѣдомомъ полку, которому якобы на вахтпарадѣ, недовольный недостаточной отчетливостью, Императоръ подаль команду: „Церемониальнымъ маршемъ, въ Сибирь на поселеніе, маршъ”. Одинъ изъ вариантовъ, правда, гласитъ, что полкъ дошелъ лишь до села Медвѣдь, послѣ чего былъ прощенъ и возвращенъ обратно. Преподнесенный „въ назиданіе” потомству, вымыселъ этотъ передавался тогда въ Петербургскомъ свѣтѣ изъ устъ въ уста, никто не потрудился даже проверить — такъ ли это, и всѣ охотно вѣрили...

— Помилуйте, — часто говорятъ мнѣ, — Императоръ Павелъ былъ же явно ненормаленъ. Хотя бы извѣстный фактъ, какъ Онъ сослалъ въ Сибирь цѣлый полкъ. Могъ ли это сдѣлать нормальный человекъ?...

— Не откажите лишь назвать этотъ полкъ...

— Сейчасъ я уже не помню...

— Неужели вы помнили его раньше?... Тогда вы — единственный за столѣтіе съ лишнимъ человекъ. До васъ никто не могъ указать этотъ полкъ...

— Да, но объ этомъ говорятъ историки. Есть и у нѣкоторыхъ писателей: Всеволода Крестовскаго, генерала Краснова...

— Ни историки, ни писатели не приводятъ ничего документальнаго. То, чего не сдѣлаетъ нормальный человекъ, дѣлаетъ за него ненормальная клевета, которой поддаются также историки и писатели. Впрочемъ... при желаніи можно, напримѣръ, сослаться на кинофильмъ, хотя бы в родѣ американскаго „Патріота“, названнаго такъ въ честь... Палена. Палена, главы заговора противъ Императора Павла Петровича и Его фактическаго палача-убійцы...

— Представьте себѣ, что на экранѣ идутъ — во исполненіе царской команды — церемоніальнымъ маршемъ, уже смертельно измученные и оборванные — все еще бьющій въ барабанъ барабанщикъ, а за нимъ одинъ одинешенекъ солдатъ. Только они вдвоемъ и дошли до Сибири, весь же полкъ... Не хотите ль воспользоваться такимъ „документомъ“?...

— Мнимое событіе это, — замѣтилъ мой другъ, — какъ разъ приписывается и моему полку, хоть мы и далеки отъ барабана. Но ни нашей полковой исторіи, ни семейнымъ хроникамъ и преданіямъ о томъ ничего неизвѣстно. Ни однимъ словомъ въ своихъ „Запискахъ“ не обмолвился и нашъ однополчанинъ Саблуковъ. Павловскій полкъ наводилъ справки во всѣхъ упоминавшихся „по слухамъ“ полкахъ, но каждый разъ провѣрка устанавливала „ни на чемъ не основанную легенду“...

III.

— Свысока, иронически отнеслось, разумѣется, общество и къ „праздной Мальтійской затѣе“, въ чемъ сослѣпу усмотрѣло не болѣе, какъ новую „игру въ солдатики“. 4 января 1797 года Императоръ Павелъ Первый, какъ извѣстно, принялъ подъ Свое покровительство Орденъ Мальтійскихъ рыцарей, а 2 ноября 1798 года, по ихъ просьбѣ, возложилъ на Себя званіе магистра ордена. Благодаря этому, Россія твердой ногой становилась на Средиземномъ морѣ, гдѣ, къ тому же, тогда господствовалъ блистательный Павловскій Флотъ, подъ флагомъ адмирала Ушакова, одного изъ геніальныхъ флотоводцевъ всемірной исторіи. На подобную критику Своихъ дѣйствій, не вправѣ ли былъ бы Императоръ Павелъ Петровичъ отвѣтить обществу словами Іоанна Грознаго, по графу Алексѣю Константиновичу Толстому? —

„Не на день я, и не на годъ устрою
Престоль Руси, но въ долготу вѣковъ;
И что вдали провижу я, того
Не видѣть вамъ куринымъ вашимъ окомъ“.

Перемена русской міровой политики и намѣчавшееся сближеніе съ Наполеономъ возбудило новый потокъ ярости противъ Павла. Общество, столь увлекшееся французской революціей, поголовно все якобинствующее, вдругъ сплывается въ единодушномъ протестѣ противъ возможнаго союза съ Франціей. Столь нелѣпое на первый взглядъ противорѣчіе объясняется очень просто: здѣсь играли роль узколичные интересы, въ смыслѣ коммерческихъ отношеній съ Англіей, на которыхъ устройствомъ различныхъ финансовыхъ оборотовъ, благодаря своимъ связямъ, подрабатывали не малую толику многіе представители петербургскаго общества. Во время Павла Перваго, какъ потомъ и при Александрѣ, Россія была покрыта сѣтью англійскихъ торговыхъ представительствъ, и англійское вліяніе было очень велико. Якобинизмъ — якобинизмомъ, а денежки — денежками, для многихъ же „якобинцевъ“ разрывъ съ Англіей означалъ въ денежномъ смыслѣ полную катастрофу. Въ высшихъ сферахъ большую роль тогда игралъ англійскій посолъ сэръ Чарльзъ Уитвортъ, находившійся въ интимныхъ отношеніяхъ съ великосвѣтской красавицей Ольгой Александровной Жеребцовой, урожденной Зубовой, родной сестрой трехъ братьевъ — будущіхъ убійцъ Императора Павла Петровича — Платона, Николая и Валеріана. Если мы припомнимъ, что Тильзитскій миръ съ Наполеономъ въ 1807 году едва не послужилъ причиной заговора противъ Александра и новаго дворцоваго переворота, а также, что Жеребцова открыто заявляла, что для нея англійскіе интересы ближе русскихъ, въ чемъ ей хоромъ вторило и все собиравшееся у нея общество — картина нравовъ общества въ особыхъ комментаріяхъ нуждаться не будетъ...

— „Составилось общество великихъ интригановъ, — пишетъ Растопчинъ въ февралѣ 1801 года графу Кочубею, — во главѣ съ Паленомъ, которые хотятъ раздѣлить между собой мои должности, какъ ризы Христовы, и имѣютъ въ виду остаться въ огромныхъ барышахъ, устройвъ англійскія дѣла“...

— Павелъ же, какъ истый Самодержецъ Божіей Милостью, прежде всего помятовалъ о пользѣ и благѣ ввѣренной Ему державы. Его девизомъ, какъ личнымъ, такъ и всего царствованія, справедливо считать надлежитъ надпись на рублѣ-крестовикѣ: „Не намъ, не намъ, а имени Твоему“...

Развѣ не красота, не полонъ ли рыцарской чести отважно брошенный Павломъ Наполеону вызовъ на поединокъ, по Его предположенію имѣвшій замѣнить общее кровопролитіе и жертвы съ обѣихъ сторонъ? Наполеонъ уклонился отъ вызова, но какъ никто оцѣнилъ этотъ порывъ, и въ то время, какъ русское общество втайнѣ осмѣивало своего благороднаго Государя, проникся къ Нему глубокимъ уваженіемъ. Геній Наполеона сразу учель, что означало бы имѣть другомъ и союзникомъ такого идеалиста-Царя...

— Императоръ Павелъ Первый былъ готовъ на рѣшительную борьбу съ французской революціей. Не какихъ-либо прибылей ради, а во имя священнаго принципа. Монаршіи долгъ диктовалъ Павлу возстановить порядокъ во Франціи и тѣмъ предотвратить угрозу мірового пожара. И Онъ напутствовалъ Суворова въ походъ знаменательными словами: „Иди, спасай Царей!”...

Однако въ лицѣ союзниковъ Павла ждало большое разочарованіе. Завистливая и своекорыстная политика ихъ сказывалась на каждомъ шагу, мѣшая святой цѣли. Имъ былъ болѣе на руку революціонный хаосъ, чѣмъ возвышеніе Наполеона, ставшаго поперекъ всѣхъ плановъ по расхищенію Франціи. Не во имя революціи Наполеонъ скрестилъ съ ними свою гордую шпагу, но за обездоленную родину...

— Гибкимъ государственнымъ умомъ своимъ Павелъ все разсчиталъ безошибочно. Понялъ, что съ Наполеономъ революція во Франціи фактически кончается, но что союзники не прочь и дальше использовать и Россію, какъ слѣпое орудіе, въ своей игрѣ. И жертвовать кровью русскаго солдата ради подобныхъ союзниковъ не пожелалъ, рѣшивъ, что союзъ съ Наполеономъ будетъ много выгоднѣе. 4 января 1800 года онъ вступаетъ въ коалицію противъ Англіи...

— Кто знаетъ, какъ развернулись бы послѣдующія страницы всемірной исторіи, не будь убитъ Павелъ. Быть можетъ, союзъ Павла Перваго съ Наполеономъ крѣпко установилъ бы то міровое политическое равновѣсіе, котораго тщетно пытаются достигъ и по настоящее время...

— Наполеонъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ о царевубійствѣ 11 марта, нарушавшимъ всѣ его планы. „Sans mort du Tsar l'Angleterre etait perdu” — опредѣлили онъ значеніе рокового событія. Его лестная оцѣнка Павла Перваго, о которой съ такой любовью вспоминалъ онъ и на острове Святой Елены, заслуживаетъ особаго вниманія...

— Смертнымъ приговоромъ для Императора Павла Петровича послужилъ походъ на Индію, предпринятый по соглашенію съ Наполеономъ, который самъ разрабатывалъ планъ этого похода. Для этой цѣли онъ предоставлялъ сильный экспедиціонный корпусъ, первыя части котораго должны были уже въ ближайшее время высадиться въ Одессѣ. Императоръ Павелъ Первый рѣшилъ двинуть въ авангардъ двадцать тысячъ донскихъ казаковъ подъ начальствомъ генерала Орлова. „Препровождаю всѣ карты, которыя я имѣю — писалъ Павелъ командиру казачьяго корпуса. — Вы дойдете только до Хивы и Аму-Дарьи.” Заговорщики рѣшили использовать этотъ казачій походъ, чтобы заручиться активной англійской поддержкой для дворцоваго переворота. Въ Англіи царила тревога.

— Неоднократно Павелъ освѣдомлялся, всѣмъ ли вдоволь обезпечены казаки, и каждый разъ получалъ утвердительный отвѣтъ и свѣдѣнія объ успѣшномъ ихъ продвиженіи. На дѣлѣ же походъ протекалъ совсѣмъ иначе, казаки сильно терпѣли отъ голода, холода и нужды во всемъ. Въ то время, какъ англійскій посоль сэръ Чарльзъ Уитвортъ незамедлительно имѣлъ всѣ, въ копіяхъ, донесенія Орлова, отъ Императора Павла Петровича „неблагополучныя” изъ нихъ упорно утаивались.

IV.

Въ замкнувшемся кругу своихъ тайныхъ враговъ Императоръ Павелъ очутился одинъ противъ всѣхъ. На каждомъ шагу Его стерегли измѣна, предательство и обманъ...

— Штабъ-квартира заговора — салонъ Ольги Александровны Жеребцовой, въ домѣ графовъ Зубовыхъ на Исакиевской площади, а за спиной ея „другъ” — посоль сэръ Чарльзъ Уитвортъ. Сколько англійскаго золота перешло въ карманы заговорщиковъ, нигдѣ не приводится, но Лопухинъ свидѣтельствуетъ о двухъ милліонахъ, розданныхъ черезъ Жеребцову участникамъ кроваваго злодѣяства въ ночь на 12 марта. Знать, не безумна была царская голова, если враги оцѣнили ее въ два милліона золотомъ.

— „... И взяли тридцать серебрянниковъ, цѣну Оцѣнненнаго, Котораго оцѣнили сыны Израиля”... Мф. 27, 9.

— Бѣшено работаетъ заговоръ. Все пущено въ ходъ, чтобы доказать всѣмъ и каждому, что границы всего уже перейдены, что больше нѣтъ никакого терпѣнія — и такъ дальше продолжаться не можетъ. Если не случится какого-либо „чуда”, неминуема полная катастрофа. И въ доказательство — вымышленные подлые рассказы о Государѣ Императорѣ...

— На него клеветаютъ, какъ на мертваго, вплоть до того, что Онъ якобы временно страдалъ припадками буйнаго умопомѣшательства. По рукамъ гуляютъ гнуснѣйше стишки великосвѣтскаго памфлетиста Марина. Павла чернятъ за „вредный” союзъ съ Наполеономъ, обвиняютъ въ намѣреніяхъ извести все казачество. А число уже погибшихъ казаковъ растетъ соотвѣтственно слухамъ и вскорѣ далеко превышаетъ весь корпусъ генерала Орлова, но надъ этимъ никто даже и не задумается.

— Заговоръ разрабатывается до мельчайшихъ подробностей, включительно до яхты англійскаго адмиралтейства, вошедшей за несколько дней до царевубійства въ Неву, чтобы принять на бортъ заговорщиковъ въ случаѣ неудачи. Для роли будущихъ палачей надъ приговореннымъ Императоромъ среди офицеровъ гвардіи вербуются рядъ забубенныхъ головъ.

— „На мя шептаху вси врази мои, на мя помышляху злая мнѣ”. (Пс. 40, 8).

— Въ первую очередь обсуждается вопросъ, какъ привлечь къ заговору, или, по крайней мѣрѣ, добиться принципиальнаго согласія Цесаревича Александра на дворцовый переворотъ, — чтобы по сверженіи Императора Павла имѣть Его, какъ новаго императора, въ своихъ рукахъ, а въ случаѣ провала понести наравнѣ

съ нимъ возможно меньшее наказаніе.

— За эту нелегкую задачу берется Санкт-Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ Палень, особо довѣренное лицо Императора Павла, а втайнѣ Его самый заклятый врагъ.

— Еще въ 1799 году, вмѣстѣ съ тѣмъ же сэромъ Чарльзомъ Уитвортомъ, графомъ Панинымъ и неаполитанскимъ выходцемъ-авантюристомъ адмираломъ Рибасомъ, извѣстнымъ своей некрасивой ролью въ увозѣ княжны Таракановой, — Палень пытается устроить, въ отвѣтъ на Мальту, заговоръ съ цѣлью низложенія Павла Перваго, подъ предлогомъ сумасшествія. Смерть Рибаса, как и увольненіе с высылкою Панина, откладываютъ заговоръ. Главная роль по организаци и проведенію всего переходитъ теперь къ Палену...

— Палень былъ умный, хитрый и совершенно аморальный человѣкъ. Тончайшій провокаторъ въ преступной душѣ. Азефъ по натурѣ. Какъ въ шахматной игрѣ, Палень обдумывалъ каждый свой ходъ, взвѣсивая всѣ „за” и „противъ”, съ изумительнымъ актерскимъ талантомъ игралъ на обѣ стороны. Для темныхъ силъ, что ополчились и извели Павла Петровича, — ибо Онъ имъ мѣшала овладѣть Россіей, — Палень былъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ...

— Для преступника цѣль оправдываетъ средства. Предъ Павломъ Палень является въ маскѣ вѣрнаго человѣка, на котораго можно всецѣло положиться. Какъ отличный психологъ, онъ до мельчайшихъ деталей изучаетъ Павла, знаетъ его человѣческія слабости: вспыльчивость, подозрительность — слѣдствіе когда то неудавшагося отравленія. Онъ мастерски играетъ на лучшихъ чувствахъ Павла, чтобы употребить достигнутое ему же во вредъ. Постепенно Палень оговариваетъ рядъ дѣйствительно преданныхъ Павлу лицъ и добивается ихъ увольненія или высылки. Онъ искажаетъ распоряженія Павла, нерѣдко доводя ихъ до абсурда...

— Дня за два до своей трагической кончины, Императоръ Павелъ Петровичъ получаетъ письменное предупрежденіе о заговорѣ, съ Паленомъ во главѣ...

— Еще раньше о заговорѣ его предупреждалъ Наполеонъ, узнавшій о томъ по своимъ заграничнымъ линіямъ...

— Не спится в эту ночь Императору. Черныя думы отгоняютъ сонъ. Въ полумракѣ, при свѣтѣ лампы, взглядъ его невольно останавливается на висящемъ передъ дверью въ потайной ходъ гобеленѣ. Мысль невольно переносится къ судьбѣ Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Неужели и его ждетъ подобная участь? Онъ ли не вѣрилъ Палену? И вотъ его предупреждаютъ, что Палень возглавляетъ заговоръ. На всякій случай надо быть осторожнымъ и замѣнить Палена на его посту кѣмъ-либо другимъ. Императоръ Павелъ Петровичъ перебираетъ имена, кто подошелъ бы болѣе. Вспоминаетъ, какъ по совѣту Палена удалилъ рядъ своихъ „гатчинцевъ”, и что въ увольненіи или высылкѣ другихъ его прежнихъ сотрудниковъ почти всегда игралъ роль тотъ же Палень. Гдѣ суровый Аракчеевъ и прямой Линденеръ? Нѣтъ и остраго умомъ Растопчина. Ушелъ и обожающій его генераль-адъютантъ Котлубицкій, о коемъ онъ, Павелъ, какъ то въ шутку сказалъ: „Ты — мой подвижный комендантъ. Гдѣ буду Я, тамъ будешь и ты”. Подозрѣнія противъ Палена постепенно крѣпнуть. Если правда, что онъ въ заговорѣ, то стѣсняться съ нимъ нечего. Надо разобратъ какъ слѣдуетъ...

— Вотъ кто подойдетъ: Аракчеевъ. На него можно положиться. Онъ преданъ безъ всякой лести. Онъ искоренитъ любой заговоръ. И онъ ближе, чѣмъ всѣ остальные. Слѣдуетъ вызвать также Линденера, Растопчина, Котлубицкаго, вернуть и всѣхъ другихъ. Но сперва — Аракчеева...

— И чуть свѣтъ, Императоръ Павелъ Петровичъ говоритъ наединѣ своему любимому камердинеру Ивашкину.

— Вотъ тебѣ письмо. Содержаніе его тайна отъ всѣхъ. Ты вручишь его лично графу Алексѣю Андреевичу въ Грузинѣ. И ѣзжай тотчасъ же...

— При провѣркѣ личности Ивашкина на заставѣ, его спросили, по чьему приказанію и куда онъ ѣдетъ? Ивашкинъ принужденъ былъ отвѣтить, что по приказанію Императорскаго Величества къ его сіятельству графу Аракчееву въ Грузино. Ивашкина пропустили, болѣе не спрашивая, но въ тотъ же день о поѣздкѣ его было донесено военному губернатору Палену. Что вопросъ идетъ о возвращеніи Аракчеева, догадаться ему было нетрудно.

— Содержаніе письма Императора Павла Петровича Аракчееву было кратко:

— „С полученіемъ сего вы должны явиться немедленно. Павелъ”.

— Палень рассчиталъ, что даже если Аракчеевъ выѣдетъ тотъ же часъ, все равно раньше чѣмъ вечеромъ 11 марта пріѣхать онъ не можетъ. И къ данному вечеру всѣ заставы получили отъ Палена приказаніе: „Согласно пожеланію Его Императорскаго Величества ни одинъ человѣкъ не долженъ быть сей ночью пропущенъ въ С. Петербургъ или выпущенъ изъ онаго. Всѣхъ проѣзжающихъ надлежитъ безъ исключенія задерживать до утра на заставахъ”...

— Аракчеевъ съ Ивашкинымъ дѣйствительно пріѣхали какъ разъ въ рассчитанную Паленомъ ночь — въ роковую ночь царевубійства. Тщетно требовалъ Аракчеевъ пропустить его, какъ прибывшаго по Высочайшему повелѣнію, тщетно грозился караульнымъ. Ему отвѣчали, что сдѣлать ничего не могутъ, такъ какъ имѣется болѣе позднее Высочайшее распоряженіе — задерживать всѣхъ безъ исключенія...

— А утромъ Аракчеевъ узналъ о внезапной кончинѣ ночью Императора Павла, и ему объявляется приказаніе новаго Императора — Александра, въ Петербургъ не вѣзжать и возвратиться въ Грузино...

— Оба высочайшихъ повелѣнія были отданы самимъ Паленомъ, и о первомъ изъ нихъ Павелъ зналъ не болѣе, чѣмъ о второмъ Александръ. Въ послѣдній разъ Палень злоупотребилъ именемъ Императора Павла

Петровича против самой его жизни, ибо успѣй Аракчеевъ явиться къ Павлу, все могло бы быть по другому...

— За день до царевѣйства, проходя съ очереднымъ докладомъ къ Императору, Палень видитъ въ приемной извѣстнаго патера Грубера, къ которому Павелъ всегда хорошо относился. Онъ освѣдомляется у дежурнаго флигель-адъютанта, не знаетъ ли онъ, зачѣмъ Груберъ испросилъ аудіенцію? И слышитъ въ отвѣтъ: „По особо важному дѣлу, касающемуся безопасности Его Величества“.

— Нахмурившись, встрѣчаетъ Павелъ Палена и прямо ставитъ вопросъ, что знаетъ онъ о назрѣвшемъ заговорѣ?

— Не только знаю, но самъ въ немъ принимаю участіе, Ваше Величество, — не задумываясь отвѣчаетъ Палень. Даже больше: я самъ во главѣ заговора.

— Въ отвѣтъ на изумленіе Павла, Палень поясняетъ:

— Иначе могъ ли я быть въ курсѣ дѣла? А такъ всѣ нити въ моихъ рукахъ. Какъ Петербургскій военный губернаторъ, я обязанъ знать все, что направлено противъ Вашего Императорскаго Величества, не только, какъ Императора, но и лично. Будьте покойны, Ваше Величество: не ускользнетъ ни одинъ участникъ заговора. Черезъ несколько дней я представлю Вашему Величеству подробный докладъ по этому дѣлу. Боюсь лишь огорчить Ваше Величество, ибо, къ сожаленію, заговоръ простерся высоко и близко къ Вашему Величеству...

— Въ своемъ намекѣ Палень имѣлъ въ виду Императрицу Марію Ѳеодоровну и Цесаревичей Александра и Константина, чтобы уничтожить императорскую фамилію руками самого Павла. А подъ предлогомъ этой трагедіи, какъ доказательства явнаго безумія Павла, произвести переворотъ и низложить Его съ престола...

Видимо, тщательно во всемъ разбираясь, Павелъ погружается въ раздумье, которое Палень почтительно не прерываетъ.

— Я жду вашего доклада со всѣми подробностями и доказательствами, — сдавленнымъ голосомъ произноситъ Павелъ. Я провѣрю все самъ. А теперь извольте слѣдовать за Мной.

— Императоръ Павелъ Петровичъ провелъ Палена въ свою опочивальню и, положивъ, какъ бы на аналой, на стоящій вблизи гобелена столикъ Мальтійскій гроссмейстерскій крестъ и Евангеліе, сказалъ:

— По Моему приказанію, генераль-прокуроръ Оболяниновъ уже привелъ моихъ сыновей Цесаревичей сънова къ присягѣ, въ подтвержденіе присягѣ прежней. Благоволите и вы, Петръ Алексѣевичъ, скрѣпите Мнѣ сейчасъ вашей клятвой, что искренно оправдываете Мое довѣріе, а въ заговорѣ дѣйствуете, помятуя Мою пользу, внѣ иныхъ чувствъ и побужденій, ничего не преувеличивая и не преуменьшая. Клянитесь въ томъ на семь крестѣ и святомъ Евангеліи...

— О святая простота, — мысленно воскликнулъ Палень. Дамъ Тебѣ не одну, а сотню присягъ, и онъ ничего не измѣняетъ...

— Клянусь, Ваше Величество, — поднялъ онъ для присяги вверхъ правую руку, — посилено оправдать Ваше высокое довѣріе, въ заговорѣ же дѣйствовать не иныхъ побужденій ради, какъ только помятуя пользу Вашего Величества...

Нагнувшись, Палень хотѣлъ было приложиться къ Кресту, какъ вдругъ едва не отпрянулъ назадъ...

Крестъ весь просвѣчивалъ мягкимъ голубоватымъ пламенемъ, среди котораго явственно выдѣлялось слово „берегись“...

Въ слѣдующій мигъ пламя потухло, и Мальтійскій крестъ былъ опять не болѣе, какъ крестъ тонкой художественной работы...

— Этого только не доставало, — съ досадой подумалъ Палень. Мнѣ уже мерещатся небесныя видѣнія...

И, по виду совершенно спокойный, поцѣловалъ крестъ и Евангеліе...

Павелъ наблюдалъ испытующе. Даже Палену не въ могоу стать этотъ взоръ, въ которомъ уже много было не отъ міра сего и сквозила печать смерти.

Палень невольно перевелъ свой взглядъ на гобелень. Какъ бы приведенный въ движеніе легкимъ порывомъ воздуха, гобелень чуть-чуть колыхался, и фигуры на немъ вырисовывались словно живыя.

— Пойдемте, графъ, Вы закончите мнѣ Вашъ докладъ, — какъ во снѣ услышалъ онъ голосъ Павла, и направился вслѣдъ за нимъ обратно въ кабинетъ.

— Осмѣлюсь пользы Вашего Императорскаго Величества ради, обратить Ваше вниманіе на Конную Гвардію, сплошь проникнутую якобинизмомъ, — по окончаніи доклада тонко оговариваетъ Палень самый вѣрный Императору Павлу полкъ.

Павелъ хотеть уже отпустить Палена, какъ вдругъ оглядываетъ его всего съ особо зоркимъ вниманіемъ.

— Что это у Васъ вѣчно оттопыривается карманъ? Что въ нихъ такое? А ну, позвольте Мнѣ самому провѣрить, напримѣръ, вотъ этотъ карманъ...

— Палень чувствуетъ, будто бы подъ нимъ куда то скользить полъ. Какъ на зло въ этомъ карманѣ у него полный списокъ всѣхъ членовъ заговора...

— Ваше Величество, оставьте, — смущенно отстраняется онъ. — Тамъ у меня просыпанъ табакъ...

Зная особое отвращеніе Императора Павла Петровича къ нюхательному табаку, Палень рассчитываетъ безошибочно...

— Какая гадость — брезгливо морщится Павелъ. — Ступайте скорѣе прочь...

Но, будто бы что-то вспомнив, Палень задерживается у дверей...

— Имѣете ли еще что сказать Мнѣ?

— Такъ точно, въ пріемной дожидается аудіенціи Вашего Величества патеръ Груберъ, — чуть замѣтно, но многозначительно усмѣхается Палень...

— Передайте, что принять не могу...

— Его Величество поручилъ мнѣ передать вамъ, что, къ сожалѣнію, принять васъ не можетъ, — любезно объявляетъ патеру Груберу Палень...

Какъ обычно, владѣть собой патеръ, подлинный представитель ордена іезуитовъ, холодный и безстрастный, но на этотъ разъ въ его глазахъ какое-то испуганное выраженіе...

Онъ явился предупредить Императора Павла Петровича о нависшей опасности. Не по слухамъ только, а со всѣми данными въ рукахъ, начиная съ сэра Чарльза Уинтворта, Жеребцовой, Зубовыхъ, Беннигсена и самого Палена...

Вейсгауптъ — вѣчный антиподъ Лойолы, вѣчные же непримиримые недруги между собой орденъ іезуитовъ и орденъ иллюминатовъ. Зорко слѣдилъ патеръ Груберъ за работой враждебнаго ордена въ Россіи и, получивъ свѣдѣнія объ участіи ряда русскихъ иллюминатовъ въ какомъ-то важномъ заговорѣ, безъ труда возстановливаетъ все остальное.

— Патеръ Груберъ слишкомъ много зналъ и былъ опасенъ для темной силы. И не случайно въ томъ же 1801 году погибъ, сгорѣвъ заживо при пожарѣ католической церкви, причемъ всѣ выходы въ домѣ оказались зараннѣе запертыми. Его видѣли въ рѣшеткѣ окна предъ тѣмъ, какъ обрушилась крыша.

Прямо отъ Павла Палень проходитъ на половину Наслѣдника Цесаревича Александра.

— Ваше Императорское Высочество. Въ послѣдній разъ я прошу Вашего отвѣта относительно извѣстнаго Вамъ дѣла. Быть можетъ, завтра будетъ уже поздно. Я, разумѣется, вполне понимаю Ваши сыновьи чувства, но въ данномъ случаѣ имъ не мѣсто. Не Вашъ ли отецъ прислалъ съ Кутайсовымъ отвѣтъ на найденную имъ на Вашемъ столѣ книгу „Трагедія смерти Цезаря“, Исторію Петра Великаго, чтобы Вы ознакомились со страницей, гдѣ говорится, какъ Царевичъ Алѣксѣй Петровичъ былъ забить до смерти кнутами? Я только что отъ Его Величества и, если Вы еще колеблетесь, то знайте о Высочайшемъ рѣшеніи, по прибытіи Аракчеева, за которымъ уже посланъ Ивашкинъ, заточить Ея Величество въ монастырь, а Васъ съ Цесаревичемъ Константиномъ въ Петропавловскую крѣпость...

Палень отъ себя добавилъ угрозу, на которую пытался спровоцировать Павла своимъ намекомъ на участіе Императорской Фамиліи въ заговорѣ. Коцебу категорически отрицаетъ наличие такого намѣренія у Императора Павла Петровича. Наканунъ и въ день Его убійства, Императоръ былъ къ Своей Супругѣ и Сыновьямъ особо нѣженъ и внимателенъ. А лукавить Онъ не умѣлъ.

— Сообщение Палена дѣйствуетъ на Александра ошеломляюще. Значить Отецъ не вѣритъ даже повторной присягѣ, къ которой онъ и его братъ-цесаревичъ только что приведены по Высочайшему повелѣнію? Онъ знаетъ, какъ въ крайнихъ случаяхъ рѣшителенъ и грозенъ Императоръ-Отецъ. Нестройной чередой, съ быстротой молніи, проносятся мысли, и предъ одной блѣднѣютъ всѣ остальные. Прообразомъ его собственной судьбы возстаютъ тѣни Царевича Алѣксѣя Петровича и Императора-Узника Іоанна Антоновича. Надо спасать мать, брата и себя самага. Выхода нѣтъ...

— На условіи, чтобы Императору-Отцу, при переворотѣ, не было причинено ни малѣйшаго вреда!

Палень даетъ свое согласіе.

— Въ тотъ же день Палень предупреждаетъ заговорщиковъ, что Императору все извѣстно, и что онъ вызвалъ Аракчеева. Зашло такъ далеко, что даже Наслѣдникъ-Цесаревичъ далъ свое согласіе на устраненіе Отца съ Престола. Палень настаиваетъ на ускореніи переворота, ибо Аракчеевъ долженъ прибыть не позднѣе послѣзавтра. Избирается слѣдующая ночь...

— Дѣло, однако, осложняется. Въ слѣдующую ночь караулъ въ Михайловскомъ замкѣ несетъ преданная Императору Конная Гвардія, къ тому же еще эскадронъ любимца Павла — полковника Саблукова. Все можетъ кончиться плачевно. Конногвардейцы могутъ изрубить заговорщиковъ. Но въ намѣченный день Палень еще разъ повторяетъ Павлу свое предостереженіе о Конной Гвардіи. Вечеромъ, въ сопровожденіи своихъ генераль-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ, — всѣхъ, какъ одинъ, участниковъ заговора — Павелъ выходитъ къ выстроившемуся въ залѣ караулу. „Вы — якобинцы?“ — спрашиваетъ у Саблукова Павелъ. Прямо глядя въ глаза Императору, Саблуковъ отвергаетъ это обвиненіе, но Павелъ не внемлетъ ему и отсылаетъ караулъ прочь...¹

Любимый Павломъ шпицъ, сопровождавшій своего господина, начинаетъ неистово лаять на Государеву свиту, и подпрыгивая къ уводящему караулу Саблукову, а по уходѣ караула, сѣвъ на корточки, принимается выть. Чутьемъ своимъ угадываетъ непоправимую бѣду...

Вмѣсто Конной Гвардіи въ дежурство вступаетъ караулъ отъ Семеновскаго Лейбъ-Гвардіи полка, которымъ командовалъ Александръ. Миновала еще одна угроза для заговорщиковъ, хотя и не совсѣмъ: начальникъ новаго караула — капитанъ Полторацкій не состоитъ въ заговорѣ...

Закончивъ трудовой день, передъ отходомъ ко сну, Императоръ Павелъ Петровичъ молится въ своей опочивальнѣ. Съ самого дѣтства, подъ благотворнымъ влияніемъ Своей бабушки, Императрицы Елизаветы Петровны, Онъ былъ глубоко вѣрующимъ и набожнымъ христіаниномъ. Въ бытность Наслѣдникомъ-

Цесаревичемъ Павелъ часто проводилъ всю ночь въ молитвѣ. Хранившійся въ Гатчинѣ коврикѣ, на которомъ Онъ молился, протерть колѣнями.

— Горяча Его молитва, сужденная быть предсмертнымъ моленіемъ о Чашѣ. Душа рвется изъ земной оболочки на вѣчное сляніе съ Предвѣчнымъ Богомъ. Міропомазанникъ просить о благѣ и счастіи ввѣреннаго ему народа, а для Себя силъ и помощи...

— „... да посрамятся и исчезнутъ оклеветавшіе душу мою, да облекутся въ стыдъ и срамъ ищущіи злая мнѣ”... (Пс. 70, 13).

— Уже крѣпкимъ сномъ спитъ столица. Дремлетъ погруженный во тьму Михайловскій замокъ. Слегка освѣщены лишь нѣкоторыя окна. Сквозь занавѣсъ свѣтится слабый огонекъ и въ Императорской опочивальнѣ...

— Не спи, русскій людъ: злой врагъ не дремлетъ. Спѣши съ топорами, дубинами, съ чѣмъ попало на защиту своего Царя, котораго въ эту ночь порѣшила извести темная сила.

„Немного было бѣ у него враговъ — когда бы не твои, Россія”.²

V.

Послѣ обильной попойки „для храбрости”, отягченные винными парами, идутъ новые заговорщики на свое дѣло. И вдругъ бросаются въ вразсыпную, напуганные громкимъ карканьемъ вороньей стаи, внезапно взлетѣвшей съ крыши Михайловскаго замка.

— Съ тѣхъ поръ, — по сказу народному, — ежегодно въ часъ царевубійства, невѣсть откуда слетается стая вороновъ-оборотней — черныя души убійцъ Императора Павла Петровича, и имъ въ укоризну въ блистающей бѣлоснѣжной мантии возстаютъ окровавленный призракъ Самодержца-Мученика.

Палень поджидалъ заговорщиковъ въ самомъ замкѣ, “засидѣвшись” на половинѣ Наслѣдника Цесаревича Александра, не посвящая его въ планы предстоящей ночи. Нѣсколько разъ Палень куда-то уходилъ, являлся обратно и снова уходилъ, пока не исчезъ окончательно...

— Сперва онъ рѣшилъ было во время переворота остаться у Александра, и въ случаѣ неудачи арестовать Цесаревичей, являсь такимъ образомъ въ глазахъ Императора Павла героемъ-спасителемъ отъ заговора...

— Но потомъ передумалъ: если только все провалится, при слѣдствіи и допросѣ участниковъ заговора, къ тому же руководимымъ Аракчеевымъ, роль его не можетъ не обнаружиться. Не былъ Палень увѣренъ и въ томъ, что пьяные заговорщики, — а одного Беннигсена на всѣхъ будетъ мало, — безъ его, Палена, руководства, не сорвутъ весь тщательно разработанный планъ. У Александра онъ будетъ, какъ въ ловушкѣ, а такъ еще можетъ спастись на англійскую яхту...

— Смерть Павла — его спасеніе; спасеніе Павла — его смерть.

— У входа въ императорскую опочивальню два вѣрныхъ камеръ-гусара, два простыхъ русскихъ человѣка, вступаютъ въ отчаянную борьбу съ ворвавшейся бандой царевубійцъ изъ осыпанныхъ царскими милостями вельможъ и измѣнниковъ-офицеровъ. Недолго длится борьба. Пронзенный шпагами, мертвымъ падаетъ одинъ изъ камеръ-гусаръ. Другой, Перекрестовъ, вырвавшись изъ рукъ убійцъ, мчится къ караулу и поднимаетъ тревогу...

— Заговорщики бросаются искать Павла, но нигдѣ не находятъ и съ ужасомъ думаютъ, что ему удалось спастись. Первый, кто обращаетъ вниманіе на упавшій гобелень, — а не на ширму, о которой ошибочно всюду говорится, — былъ Беннигсень. „Le voilà” — хладнокровно указываетъ онъ другимъ на Павла.

— Одинъ противъ пьяной ватаги, стоитъ безоружный Павелъ, въ полумракѣ опочивальни, всматриваясь въ своихъ палачей. Безстрашно глядитъ Онъ въ глаза смерти...

— Согласны ли Вы на отреченіе отъ престола? — предлагаетъ вопросъ Беннигсень. Павелъ не отвѣчаетъ. Что отвѣчать на праздный вопросъ?...

Не они ли всѣ приносили мнѣ присягу? Не они ль клялись „вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови”?...

— Что я вамъ сдѣлалъ? — единственно, что спрашиваетъ Павелъ...

— Не разговаривай! — сипло перебиваетъ Павла Петровича Николай Зубовъ и ударяетъ Императора по рукѣ. Императоръ съ силой отталкиваетъ отъ себя пьянаго негодяя...

Озвѣрѣвшій Зубовъ, размахнувшись, ударяетъ тяжеловѣсной золотой табакеркой, подаркомъ Екатерины, въ високъ Павла Петровича, и Онъ съ громкимъ стономъ падаетъ на гобелень...

Все разом, какъ почуявшіе кровь хищники, набрасываются на Него царевубійцы. Бульдожьей мертвой хваткой Палень обѣими руками впивается ему въ горло...

Во всемъ ужасѣ оправдывается французская поговорка, еще ранѣе подсказанная Паленомъ заговорщикамъ: „Pour faire une omlette il faut casser les oeufs”.

— Возня надъ тѣломъ бездыханнаго монарха все еще продолжается. Мигомъ слетаетъ весь налетъ культуры. Сказывается годами затаенная ненависть и злоба. Мертваго Императора колютъ шпагами, плюютъ на Него, попираютъ ногами...

Палень чувствуетъ сзади чей-то сильный пинокъ и приходитъ въ себя.

— Что вы дѣлаете! — слышится его негодующій голосъ. — Въмѣсто Павла, вашей ногой вы ударили меня...

Палень чувствуетъ, будто его руки мокры и оттираетъ ихъ о какую-то плотную матерію, — вѣроятно коверъ, на которомъ лежитъ тѣло удушеннаго имъ Императора Павла...

— И вдругъ, средь кровавого безумія, все сразу стихаетъ. Всѣ цѣпенѣютъ. „Сюда спѣшить карауль!“ — проносится сзади. Пьяный угаръ вылетаетъ изъ головы, и начинаются взаимныя попреки. „Мы отрѣзаны. Съ нами расправятся на мѣстѣ“.

Палень и Беннигсенъ, единственно не потерявшіе самообладанія, спѣшно покидаютъ спальню, идя навстрѣчу караулу...

— Не о себѣ, не о своемъ спасеніи думалъ вѣрный Перекрестовъ. Мысль его была: „Только бы не опоздать. Только бы успѣть спасти Царя“. И далече по замку разносится его отчаянный вопль:

— Карауль, на помощь! Убиваютъ Государя! На помо-ощь!..

— Карауль, въ ружье! — раздается четкая команда начальника караула. Но Семеновцы и сами, слышавши крики Перекрестова, не дожидаясь команды, ринулись къ оружію. Съ ружьями на перевѣсь, карауль грозно устремляется по парадной лѣстницѣ къ опочивальнѣ Его Величества...

Наверху лѣстницы Палень и Беннигсенъ. Беннигсенъ — огромный, спокойный, серьезный, какъ Пушкинскій Каменный Гость. Палень почему-то прячетъ руки...

— Карауль, сто-ой! Къ но-гѣ! Смир-но-о! — послѣдовательно командуетъ Беннигсенъ.

Разумѣется, начальникъ караула могъ бы и не исполнить команды, и тогда-бы заговорщики оказались всѣ на Семеновскихъ штыкахъ. Но Палень разсчиталъ психологически вѣрно. Надо знать, какъ вымуштрованы были офицеры и солдаты того времени, что такое была дисциплина, дабы понять, почему команда была выполнена безпрекословно...

Карауль неподвижно замеръ на мѣстѣ. Беннигсенъ объявляетъ:

— Волей Божіей Его Императорское Величество Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій Павелъ Первый скоропостижно скончался сей ночью отъ апоплексическаго удара... На престолъ вступилъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Первый.

Палень оставляетъ Беннигсена одного на лѣстницѣ и спѣшить къ Александру — объявить о кончинѣ Отца и убѣдить показаться караулу...

— Вы убили Его! Гдѣ ваша клятва Мнѣ? — рыдаетъ Александръ...

— Полно ребячиться! Насъ всѣхъ поднимутъ на штыки. Лишь Вы еще можете спасти положеніе, — рѣзко говоритъ Палень и принуждаетъ Александра выйти къ караулу...

— „Все будетъ при Мнѣ, какъ при Бабушкѣ“, весь въ слезахъ и съ дрожью въ голосѣ, говоритъ Александръ. Но, вмѣсто привѣтствія, карауль угрюмо молчитъ. Молчитъ карауль отъ Его Семеновцевъ...

Полторацкій, солдаты всматриваются въ Александра, лицо котораго отражаетъ весь ужасъ переживаній. Тутъ же, съ Александромъ, Палень и Беннигсенъ — двое изъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ скончавшагося Государя...

— Никто ничего не понимаетъ. Каждый тщетно пытается разобраться, что случилось въ самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли Императоръ Павелъ скоропостижно скончался отъ апоплексическаго удара, или Его умертвили? Если правъ поднявшій тревогу камеръ-гусаръ, почему новый Императоръ, сынъ покойнаго, не отдастъ тотчасъ же приказанія обыскать весь замокъ и найти цареубійцу, гдѣ бы они ни притаились? Чувствуется что-то роковое и нехорошее...

По кончинѣ Императора Павла Петровича, — мыслить Полторацкій, — присяга моя преемственно переходитъ къ сыну Его, Александру, который отнынѣ новый Законный Императоръ. Долгъ мой повиноваться только Ему, что Онъ прикажетъ. А Онъ уже Самъ во всемъ разберется...

Но Александръ не отдаетъ никакихъ распоряженій и удаляется, а Беннигсенъ приказываетъ Полторацкому увести карауль, выставивъ часовыхъ у личныхъ покоевъ почившаго Императора, не пропуская никого внутрь, кто бы то ни былъ...

„Вотъ мой талисманъ, съ которымъ я никогда не расстаюсь“, сказалъ мнѣ какъ то за бесѣдой Царь Фердинандъ Болгарскій, такой-же почитатель Императора Павла Петровича, какъ и я. И вынувъ изъ жилетнаго кармана, показалъ мнѣ рубль-крестовикъ...

— А скажите, кто, по-вашему, задушилъ Императора Павла? Скорятинъ своимъ шарфомъ?

— По моимъ даннымъ, Ваше Величество, это былъ не Скорятинъ, а Палень. И задушилъ онъ Императора Павла не шарфомъ, а руками...

— Совершенно точно. Когда я былъ еще молодымъ принцемъ Кобургскимъ, умиралъ графъ Палень, сынъ цареубійцы. Это былъ кристальной чистоты человекъ, рыцарь чести и палата ума. Я часто бывалъ у его постели и мы очень сблизились. И, умирая, онъ открылъ мнѣ страшную, всю жизнь тяготившую его тайну — „Исторія лжетъ, сильно волнуясь сказалъ онъ. Императора Павла Петровича задушилъ не Скорятинъ, а мой отецъ. Понимаете? Задушилъ собственными руками... “ Кто же станетъ клеветать на своего отца, да еще на смертномъ одрѣ?..

— Саблуковъ, а за нимъ, въ началѣ нашего столѣтія, Энгельгардтъ, подробно описаль отчаяніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, когда черезъ графиню Ливень³ Палень сообщилъ ей о кончинѣ Царственнаго Супруга. Внѣ себя отъ горя, ничего не соображая, полураздѣтая, бросилась Она изъ опочивальни Императора Павла Петровича. У входа въ личные покои, Ей преградили путь, скрестивъ ружья, часовые. Рыдая, тщетно умоляла Она пропустить Ее внутрь, становилась на колѣни...

— Бѣдная Ты, Матушка Царица! — сами чуть не плача, отвѣчали часовые Семеновцы. Ужъ прости Ты насъ: ничего не можемъ, таковъ приказъ. Не бойся ничего, мы всѣ Тебя любимъ...

— Бережно обнявъ Императрицу, графиня Ливень почти силой уводитъ Ее къ себѣ...

— Императрица Марія Ѳеодоровна сообщаетъ о Своемъ отказѣ признать сына Императоромъ, пока Ее не допустятъ къ тѣлу мертваго Супруга. Но какъ покажешь Его въ такомъ ужасномъ видѣ Императрицѣ? А потомъ, по обычаю, надо будетъ выставить прахъ для послѣдняго поклоненія народу? Какъ быть? Что скажетъ народъ? Онъ такъ любилъ Императора Павла...

— Ни одного изъ царевубійцъ больше нѣтъ. Осторожно, по одиночке, они незамѣтно выведены различными ходами изъ замка. И неслышно скользя, какъ тѣни, въ страхѣ разбрелись въ разныя стороны по пустыннымъ улицамъ обледенѣлаго Петербурга...

— Лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе, вмѣстѣ съ другими врачами и художниками, „бальзамируетъ” тѣло почившаго Императора Павла Перваго. Старательно подкрашиваютъ и гримируютъ подъ естественный цвѣтъ разбитое, изувѣченное лицо. Лицо исине-багровое. Високъ проломленъ „апоплексическимъ” ударомъ табакерки Николая Зубова.⁴ Тѣло проткнуто шпагами...

— Помимо врачей и художниковъ, здѣсь еще и Палень. Стоитъ, наблюдая жуткую работу. Торопить въ нетерпѣніи: „Скоро ли? Скорѣе, скорѣй”...

Но сложная работа подвигается медленно. Проходятъ часы, и вотъ уже брезжить разсвѣтъ. Вилліе смотритъ на свою луковицу: безъ пяти шесть!..

— Кое-какъ готово... Собираясь идти доложить о томъ Императорской Фамиліи, Палень отдаетъ послѣднія распоряженія:

— Положите тѣло въ постель... Да снимите съ постели окровавленное бѣлье... Покройте чѣмъ-нибудь другимъ... И приведите тутъ все въ порядокъ, чтобы не было слѣдовъ.

Убиеннаго Императора облакаютъ въ мундиръ Преображенскаго Лейбъ-Гвардіи полка, въ формѣ коего съ Петра Великаго погребаютъ Самодержцевъ Всероссийскихъ...

— Съ постели сбрасываютъ бѣлье, ищутъ чѣмъ бы ее покрыть, и, не найдя ничего другого, покрываютъ здѣсь же лежащимъ гобеленомъ...

— Тѣло Государя переносятъ на постель. Нахлабучиваютъ низко на лобъ трехуголку, чтобы скрыть проломленный високъ. Скрещиваютъ Ему руки и кладутъ въ нихъ Мальтійскій гроссмейстерскій крестъ. Зажигаютъ три свѣчи, и въ отблескѣ ихъ еще жутче, еще страшнѣе выгладитъ ликъ умученнаго Монарха...

— Все ли готово? — спрашиваетъ вернувшійся Палень. Сейчасъ сюда прибудетъ Императорская Фамилія...

Онъ окидываетъ взглядомъ постель, гдѣ въ рукахъ покоющагося Государя вдругъ замѣчаетъ Мальтійскій гроссмейстерскій крестъ...

Ни на что болѣе не смотритъ Палень. Не замѣчаетъ и гобелена, на которомъ лежитъ Императоръ Павелъ Петровичъ. Мальтійскій крестъ словно приковаль къ себѣ все его вниманіе. Онъ ощущаетъ, какъ впервые терять душевное равновѣсіе...

Напрасно гонитъ онъ прочь внезапныя мысли. Словно стая мстительныхъ фурій, онѣ непрерывными цѣпями атакуютъ палача у гроба его Вѣнценосной жертвы. Помимо воли, ему представляется эта же опочивальня, испытующій взоръ Павла, собственная лжеклятва и предостереженіе Мальтійскаго креста...

— Легенда ли — чудотворная сила таинственнаго креста, о которой не разъ онъ слышалъ отъ Павла и другихъ Мальтійскихъ рыцарей? Развѣ графъ Литта, чрезвычайный посоль Орденъ Мальтійскихъ Рыцарей, — позже командиръ Преображенскаго Лейбъ-Гвардіи полка, — не рассказывалъ, что когда онъ ѣхалъ отъ имени Мальтійскихъ Рыцарей съ челобитной къ Императору Павлу принять подъ Свое Высокое покровительство Орденъ, ему было подобное и, nepocтижимое уму видѣніе. Но тогда въ чудотворномъ пламени креста зажглось — не какъ ему, Палену, — грозное „save”, а въ знакъ благоволенія — „ave”, т. е. „здравствуй”.

Вспоминается Палену и то, какъ въ его присутствіи, Литта торжественно передалъ вновь избранному Главѣ Орденъ, — нынѣ имъ удушенному Императору, — вмѣстѣ съ этимъ крестомъ еще и другія Мальтійскія святыни — образъ Божіей Матери Влахернской⁵ (Филермской), писанный Апостоломъ и Евангелистомъ Лукою и Десницу Святаго Іоанна Крестителя. Онъ самъ свидѣтель, съ какимъ благоговѣніемъ склонился ницъ и облобызалъ Павелъ эти заповѣдныя святыни...⁶

Палень начинаетъ прозрѣвать значеніе пророческой угрозы себѣ: за кровь Павла его ждетъ судъ Божій, какъ царевубійцу и убійцу Рыцарей Креста Господня...

Въ траурную опочивальню, въ сопровожденіи Цесаревича Константина, входитъ Императоръ Александръ. Въ лицѣ его ни кровинки. И Онъ, и Цесаревичъ Константинъ преклоняютъ колѣна, лобызая потомъ руку Отца. Отходя, Александръ вздрагиваетъ, съ ужасомъ смотря на покрывку постели. На ней Онъ замѣчаетъ отпечатки чьихъ-то окровавленныхъ пальцевъ, а потомъ узнаетъ и самъ гобелень...

— Господи, кровь... Гобелень... — чуть слышно вырывается у него...

Теперь и всё обращают внимание на слѣды окровавленныхъ пальцевъ, видятъ ихъ и Палень...

— Палень чувствуетъ, какъ въ немъ стынеть кровь. Вѣдь эти окровавленные пальцы — его собственные пальцы. И, самъ не помня себя, рѣзко вскрикиваетъ:

— Уберите сейчасъ-же этотъ проклятый гобелень...

Всѣ невольно переглядываются. Что съ нимъ? Можно ли въ присутствіи Его Величества отдавать подобное приказаніе? И какъ тотчасъ убрать покрывало съ постели, на которой покоится тѣло Государя?..

Иные объясняютъ, что послѣ всего пережитаго, у Палена, пользовавшагося столь исключительнымъ благоволеніемъ почившаго Императора, не выдержали нервы при видѣ гобелена, подтвердившаго собой фатальное значеніе подарковъ Людовика XVI и Маріи-Антуанеты. Цесаревичъ Константинъ окидываетъ Палена полнымъ моральнаго отвращенія взглядомъ...

Какъ отзвукъ крайняго напряженія, въ опочивальнѣ проносится шопотъ: Ея Величество! Ея Величество!..

— Медленно входитъ, въ сопровожденіи графини Ливень, Императрица Марія Ѳеодоровна. Лицо Ея носитъ слѣды слезъ, но Она владѣетъ Собою. Ставъ на колѣни, Императрица погружается въ молитву. Затѣмъ съ любовью гладитъ и цѣлуетъ руку покойнаго Супруга. Всмотривается въ Его изуродованное, плохо подкрашенное лицо. Хочетъ, видимо, погладить волосы и, приподнимая трехуголку, видитъ зіяющую на вискѣ рану, Императрица вновь надвигаетъ шляпу, и, оборачиваясь, въ упоръ бросаетъ Александру: „Поздравляю!.. Вы теперь — Императоръ”...

Александръ шатается и, прежде чѣмъ кто-либо успѣваетъ Его поддержать, падаетъ безъ чувствъ. Антично прекрасная голова Его съ глухимъ стукомъ ударяется о полъ...

Въ ту же ночь, подъ прикрытіемъ кавалергардовъ, Императоръ Александръ Павловичъ и Императрица Елизавета Алексѣевна переѣзжаютъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній Дворецъ. Михайловскій замокъ навсегда перестаетъ быть Императорскою резиденціей. Вся обстановка и вещи изъ него перевозятся частью въ Зимній Дворецъ, частью въ Павловскъ или Гатчину. Павловскій же гобелень исчезаетъ безслѣдно, болѣе не украшая стѣнъ ни въ одномъ изъ дворцовъ. На мѣстѣ опочивальни Императора Павла Петровича впослѣдствіи устраивается церковь. Тамъ, гдѣ Онъ палъ подъ ударами убійць, воздвигается алтарь...

Такъ погибъ гуманнѣйшій Государь, кромѣ добра Россіи и народу ничего не желавшій. Приблизительно до девятисотыхъ годовъ, т. е. столѣтія кончины Императора Павла Перваго, въ Россіи было строго запрещено касаться въ печати обстоятельствъ царевубійства 11 марта 1801 года. Подъ запретомъ были и „записки генерала Саблукова”. Въ полномъ собраніи Пушкина нельзя было встрѣтить стихотворенія на смерть Павла Перваго „Молчитъ невѣрный часовой”. Въ учебникахъ исторіи, съ недоброй руки Беннигсена, молодымъ поколѣніямъ преподавалась трафаретная ложь, что „Императоръ Павелъ скоропостижно скончался отъ апоплексическаго удара”...

Императоръ Павелъ Петровичъ все еще былъ популяренъ. Опасались, что вину Его убійства народъ припишетъ высшимъ классамъ, а главное, что будутъ возможны нареканія на память Императора Александра Перваго, чѣмъ могъ бы быть подорванъ въ глазахъ народа авторитетъ Династіи...

— Императоръ Павелъ Первый царствовалъ четыре года, четыре мѣсяца и четыре дня, и былъ убитъ на сорокъ седьмомъ году жизни. Сорокъ семь буквъ находится и въ девизѣ, помѣщенномъ по Его повелѣнію надъ главнымъ порталомъ Михайловскаго Замка: „Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней”. Еще при жизни Павла Петровича въ народѣ говорили, что онъ не проживетъ болѣе сорока семи лѣтъ, и смерть Его произойдетъ въ 1801 году...

„Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ, кое есть: да разумѣю, что лишаюся азъ”.

„Краткое царствованіе Павла Перваго, — свидѣтельствуешь въ своихъ запискахъ де Сангленъ, — замѣчательное тѣмъ, что Онъ сорвалъ маску со всего прежняго фантазмагорическаго міра, произвело на свѣтъ новыя идеи и новыя представленія. Съ величайшими познаніями и строгою справедливостью Павелъ Петровичъ былъ рыцаремъ временъ прошедшихъ. Онъ научилъ насъ и народъ, что различіе сословій ничтожно”.

На слѣдующее утро послѣ царевубійства рядъ полковъ Гвардіи и первая Конная Гвардія, отказались принести присягу новому Императору, пока не увидятъ мертвымъ Императора Павла Петровича. Это объясняется невѣдома откуда взявшимся слухомъ, что Онъ вовсе не умеръ, а кѣмъ-то захваченъ въ плѣнъ. Послѣ того лишь, какъ къ тѣлу Его было допущены выборные изъ солдатъ, въ томъ числѣ и отъ эскадрона Саблукова, полки принесли присягу...

Неистовымъ ликованіемъ встрѣтили общество и чиновный Петербургъ извѣстіе о смерти Императора Павла. На улицахъ сразу демонстративно появились круглыя шляпы и длинныя дамскія платья, а на Невскомъ проспектѣ закружились было въ вихрѣ вальса пары. Все это было строжайше запрещено Павломъ, какъ внѣшнее проявленіе симпатій къ революціонной Франціи, гдѣ эти нововведенія появились впервые...

Но народъ не потерпѣлъ подобнаго глумленія у гроба своего любимца — Царя. Сбиваемыя палками, слетали съ головъ франтовъ круглыя шляпы, и столь основательно проучивались вальсировавшія пары, что модницы не дерзали появляться на улицахъ съ непомѣрно длинными шлейфами...

Настроеніе „дней Александровскихъ начала” было тревожное. Народъ, хмурясь твердилъ межъ собой, „что

бары извели Царя и украли Золотую Грамоту”. Можно было ждать вспышек недовольства. На улицах столицы дежурили сильные отряды от гвардейских частей...

На третий день послѣ цареубійства, хоронили убитого камеръ-гусара. Похороны были скромныя, но на гробъ возложилъ живые цвѣты лично самъ Александръ. Императрица Марія Ѳеодоровна прислала крестъ изъ бѣлыхъ розъ, среди которыхъ выдѣлялось нѣсколько пунцовыхъ, символически означавшихъ жертвенно пролитую имъ кровь...

Я зналъ фамилію этого Царскаго слуги-героя, но сейчасъ, къ сожалѣнію, не помню. Мои попытки возстановить ее за границей успѣхомъ не увѣнчались...

Второго камеръ-гусара, Перекрестова, взяла къ Себѣ Императрица Марія Ѳеодоровна, а по кончинѣ Ея, въ 1828 году, онъ получилъ изъ личныхъ Ея Величества средствъ пожизненную пенсію...

Съ отданіемъ всѣхъ почестей, но съ принятіемъ мѣръ предосторожности, тѣло почившаго Государя было перевезено изъ Михайловскаго замка въ Петропавловскій Соборъ, гдѣ и выставлено на поклоненіе народу.

Народъ валомъ валилъ отдать послѣдній долгъ Императору Павлу Петровичу. Перебывали не сотни и тысячи, а десятки, а то и сотни тысячъ. „Было словно мощамъ святымъ поклоненіе”. Задерживаться у катафалка не разрѣшалось. Можно было лишь поклониться Царскимъ останкамъ, проходя мимо...

Въ тотъ годъ Пасха Христова была ранняя, приходилась на 24-е марта, и похороны были назначены на Страстную субботу. И въ этомъ народъ усмотрѣлъ, что въ самомъ погребеніи его любимой Царь получилъ отъ Бога первое Свое прославленіе. Ибо „Христу сопогребенные — совоскреснуть съ Христомъ”...

Торопили еще не успѣвшихъ поклониться останкамъ. Приложившись къ Плащаницѣ, шли прощаться съ прахомъ Императора Павла Петровича. Набережная противъ Петропавловской крѣпости была запружена народомъ, и съ его безмолвной печалью сочетается траурный салютъ со старинныхъ крѣпостныхъ верховъ...

Начиная съ Петра Великаго, Русскіе Императоры и Императрицы, кромѣ Петра Второго, похороненнаго въ Москвѣ, — погребались въ Петропавловскомъ Соборѣ противъ образа Святого Апостола Петра. Императоръ Павелъ первымъ погребенъ противъ образа Святого Апостола Павла, начиная Собою, какъ Императоръ-Родоначальникъ, послѣдующія поколѣнія Самодержцевъ Россійскихъ.

Полностью сбылось предсказаніе прозорливаго инока Александро-Невской Лавры Авеля, — прозваннаго „Вѣщимъ”, — сдѣланное имъ лично Императору Павлу Петровичу:

„Коротко будетъ царствованіе Твое, и вижу я, грѣшный, лютой конецъ Твой. На Сафронія Іерусалимскаго отъ невѣрныхъ слугъ мученическую кончину приемишь, въ опочивальнѣ Своей удушень будешь злодѣями, коихъ грѣшишь Ты на Царственной груди Своей. Въ Страстную субботу погребутъ Тебя... Они же, злодѣи сіи, стремясь оправдать свой великій грѣхъ цареубійства, возгласятъ Тебя безумнымъ, будутъ поносить добрую память Твою. Но народъ русскій правдивой душой своей пойметъ и оцѣнитъ Тебя, и къ гробницѣ Твоей понесетъ скорби свои, прося заступничества и умягченія сердецъ судей неправедныхъ и жестокихъ”...

За это предсказаніе свое инокъ Авель Вѣщій, по распоряженію Санктъ-Петербургскаго военнаго губернатора Палена, былъ заточенъ въ Петропавловскую крѣпость „за возмущеніе душевнаго спокойствія Его Величества”. Въ ней онъ пережилъ исполненіе своего пророчества и былъ освобожденъ по приказанію Александра Перваго, какъ только Ему доложили объ этомъ случаѣ...

Какъ всякаго убійцу, Палена неудержимо влекло къ гробу своей коронованной жертвы. Есть какой-то особый мистическій законъ, которымъ пользуются даже сыщики, чтобы поймать убійцу...

Когда онъ стоялъ у гроба, видъ его вызывалъ невольное сожалѣніе.

Про него, не зная, можно было сказать: „вотъ кто дѣйствительно любилъ покойнаго Государя”, если бы многимъ не было уже извѣстно о роли его въ заговорѣ и цареубійствѣ. Но Палену уже безразличенъ былъ судъ человѣческой...

Палень былъ приблизительно въ томъ состояніи, какъ раскаявшійся Іуда, пришедшій къ первосвященникамъ и старѣйшинамъ и возвратившій тридцать серебрянниковъ, говоря:

„Согрѣшилъ я, продавъ Кровь невинную. Они же сказали ему: что намъ до того? Смотри самъ”... (Мф. 27, 34).

У преждевременнаго гроба Императора Павла предъ Паленомъ развернулась книга совѣсти. Запись за записью, одна страшнѣе другой...

Что, кромѣ хорошаго, видѣлъ онъ отъ Павла? И чѣмъ онъ, Палень, отблагодарилъ за все своего благодѣтеля? Не права ли Ливень, бросившая первой ему въ лицо тяжкое оскорбленіе: „Я не подаю руки цареубійцамъ”. Та самая Ливень, которой онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ и довѣріемъ Павла, такъ какъ на него указала именно она. Благодаря ему, трагедія ея не меньшая, чѣмъ самой Императрицы...

И, не умолкая, въ ухахъ Палена звучитъ послѣдній вопросъ Павла: „Что я вамъ сдѣлалъ”?...

Внутренній переломъ въ Паленѣ, однако, вель не къ доброму, а къ надрыву души и къ тому же отчаянію, что у Іуды. Въ такомъ случаѣ челоуѣкъ обреченъ, и спасенія нѣтъ. Онъ кончаетъ самоубійствомъ или, если цѣпляется за жизнь, рано или поздно сходитъ съ ума. И черныя крылья безумія незримо осѣняли собою Палена...

Цареубійцы чувствовали себя героями. Имъ пришла мысль устроить товарищескій ужинъ участниковъ заговора...

Раскошно сервированный у Зубовыхъ столъ ломился подъ серебромъ и хрусталемъ, на которыхъ игралъ отблескъ свѣчей въ канделябрахъ. Проворно сновала многочисленная прислуга, разнося вокругъ стола напитки и яства...

Первымъ провозглашается тость „за истинную душу всего дѣйства” — сэра Чарльза Уитворта, потомъ поочередно пьютъ за Жеребцову, Палена, Беннигсена, Зубовыхъ и другихъ цареубійць. Каждый бокаль пьется до дна, и вскорѣ всѣ сильно навеселѣ. Къ концу ужинъ превращается въ пьяную оргію. Не обращая вниманія на прислугу, дѣлятся воспоминаніями о минувшемъ „дѣйствѣ” и стараются затмить другъ друга, кто что сдѣлалъ.

Прислуга съ ужасомъ слушаетъ, что говорится за столомъ. „Умертвили Царя, да еще и празднуютъ... — рѣзко осуждаетъ она своихъ баръ. Кромѣ того, — чего и въ голову никому не приходило, — среди прислуги вкраплены опытные соглядатаи правительственнаго сыска. Запоминается каждое слово...

Подъ гулъ одобренія поэтъ-памфлетистъ Маринъ читаетъ свои ядовитые стихи на покойнаго Государя. Николай Зубовъ рассказываетъ, какъ онъ „такъ саданулъ Павла въ високъ, что Онъ такъ и брякнулъ”; кто-то хвастаетъ, что онъ проткнулъ Его шпагой...

Слушаетъ и ушамъ своимъ не вѣрять, но не оспариваетъ Палень, о том, какъ сильно подвыпившій Скорятинъ повѣствуетъ подробно, какъ шарфомъ своимъ задушилъ Павла. „Какой счастливый случай — такого и не придумаешь даже” — думаетъ Палень. Другой, добровольно, пьяной похвалы ради, принимаетъ на себя всю вину его? И вдругъ острой болью его всего опять пронизываетъ мысль: „Это предъ людьми, ну — а передъ Богомъ?”...

Много лишняго было сказано за ужиномъ, товарищи-цареубійцы бахвалились безъ конца...

А не вышло-бы, сѣли-бы на англійскую яхту и поминай какъ звали. Золота-бъ хватило... Что тамъ Александръ... Мальчикъ... Мы теперь господа всего! Даромъ что-ли возвели Его на престолъ?..

Вдребезги пьяные, по окончаніи ужина, гости схватили за четыре угла скатерть со всѣмъ, что только было на столѣ, и выкинули черезъ окно на площадь. Стоналъ, разбиваясь о камни мостовой, хрусталь, летѣли осколки. Жалобно звенѣло серебро...

Императору Александру подробно доложили о „товарищескомъ” ужинѣ убійць Его Отца. Въ голубыхъ глазахъ Александра засверкали огоньки глубокаго негодованія и отвращенія. Чаша терпѣнія Его переполнилась. Онъ рѣшилъ положить предѣлъ...

„Я бы повѣсилъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ” — воскликнулъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Какъ жаль, что опоздалъ Аракчеевъ. Я-бъ никогда не хотѣлъ царствовать. Бѣдный Александръ”.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ искренно любилъ своего Отца. Онъ, продѣлавшій съ Побѣдоносцемъ Россійскихъ Войскъ, Генералиссимусомъ Суворовымъ весь итальянскій походъ и въ награду за то получившій титулъ „Цесаревича”, думалъ какъ Императорскій солдатъ, какъ долженъ думать вѣрный сынъ Россіи...

Первымъ, кто испыталъ на себѣ волю молодого Государя, былъ Палень. Въ одинъ мигъ, какъ нѣкогда и взошло, закатилось все его могущество. И никто, какъ самъ же Палень, подтолкнулъ свое собственное паденіе...

Вскорѣ послѣ трагической кончины своего Царя-Благодѣтеля, старообрядцы поднесли въ утѣшеніе Вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ образъ, съ многозначительной надписью „Замврій, Замврій, гдѣ убійца господина твоего? “...

Надпись эта была сдѣлана ими на основаніи III Книги Царствъ, глава XVI стихи 9-18, гдѣ повѣствуется, какъ Замврій, воевода царя Илы въ Оерсѣ, составилъ заговоръ и умертвилъ Илу, а затѣмъ сѣлъ на его мѣсто...

Въ Замврій Палень усмотрѣлъ самого себя и приказалъ удалить икону изъ церкви, куда она была помѣщена по личному указанію Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Это уже было слишкомъ для вдовствующей Императрицы, и Она потребовала отъ Императора-Сына выбрать между Ею и Паленомъ.

На слѣдующій день, Палень, какъ всегда, подѣхалъ къ вахтпараду. Но не успѣлъ онъ даже выйти изъ коляски, какъ къ нему подошелъ флигель-адъютантъ и объявилъ во всеуслышаніе:

— Ваше сіятельство, по личному повелѣнію Его Императорскаго Величества вамъ надлежитъ немедленно покинуть Петербургъ и безвыѣздно пребывать въ вашемъ Курляндскомъ имѣніи...

— Прошу доложить Его Императорскому Величеству, что Его Священная воля будетъ мною точно выполнена, — замѣтно волнуясь, отвѣтилъ Палень...

Какъ и Палень, остальные цареубійцы тоже убѣдились, что они не „господа всего”, а молодой Государь — не „мальчикъ”. Александръ разогналъ ихъ вонъ изъ Петербурга...

Поздно осознали они, что присяга не одинъ лишь обрядъ, а страшной силы и великаго дѣйствія навѣки связующій обѣтъ. „Революція пожираетъ своихъ дѣтей” — сказала Робеспьеръ, что полностью относится также и къ дворцовымъ переворотамъ. Думали, — такъ и пройдетъ, „имѣя въ виду — по выраженію Растопчина — „остаться въ огромныхъ барышахъ”. Но во всей силѣ сказалось значеніе высшихъ міровыхъ законовъ, и ихъ всѣхъ погубило ими же вызванное зло.

Окрашенный въ черную краску, — единственный изъ всѣхъ въ Петербургѣ, — мрачно высится домъ графовъ Зубовыхъ на Исаакіевской площади. „Что за странная окраска? — при взглядѣ на него, невольно думали многіе. — Что это означаетъ?”...

Домъ Зубовыхъ окрашенъ такъ по повелѣнію Императора Александра Перваго — въ особое напоминаніе и назиданіе потомству. Въ немъ находился очагъ заговора — салонъ Жеребцовой. Онъ служилъ сборнымъ

пунктомъ для заговорщиковъ въ кровавую ночь 11 марта, и отсюда вышли они на свое злодѣяніе. Здѣсь же происходилъ и товарищескій ужинъ цареубійць...

Рука неумолимой судьбы поразительно быстро настигала убійць Императора Павла, и въ теченіе ближайшихъ лѣтъ большинства изъ нихъ уже не было въ живыхъ. Въ народѣ говорили, что Царская кровь требуетъ ихъ на судъ Господень...

Три главныхъ цареубійцы — Николай Зубовъ, Беннигсенъ и Палень сошли съ ума. Злостно ославили безумнымъ Императора Павла Петровича и сами кончили дни свои въ безуміи...

Ужасенъ конецъ Зубова. Онъ пожиралъ собственные отбросы, пока однажды не испустилъ духъ, катаясь въ зловонной пѣнѣ...

Беннигсенъ, уже послѣ Отечественной войны, выѣхалъ разъ на парадъ въ Высочайшемъ присутствіи въ одномъ бѣлѣ. Его окружили и удалили прочь. Оказалось, что онъ лишился разсудка...

Съ начала своей высылки и до самой смерти въ 1826 году, Палень ходилъ мрачный, какъ туча, и никто ни разу не видѣлъ улыбки на его лицѣ. Въ каждую годовщину зловѣщаго 11 марта, къ десяти часамъ вечера, онъ напивался до полной потери сознанія, чтобы придти въ себя только на слѣдующій день. Къ концу жизни Палень сталъ обнаруживать явные признаки душевнаго расстройства. Пересыпая изъ одной руки въ другую драгоценные камни, онъ въ ужасѣ вопилъ: „Кровь, кровь”, и требовалъ убрать мерещившійся ему всюду гобелень...

Гобелень этотъ, дѣйствительно, заслуживаетъ наименованіе „Павловскаго”. Много видѣлъ онъ на своемъ вѣку, и недаромъ отъ него предпочли избавиться, какъ отъ нежелательнаго свидѣтеля...

Какъ вѣстникъ рокового жребія, отъ Короля-мученика Людовика гобелень переходитъ къ будущему мученику — Императору Павлу... Павелъ Петровичъ смѣняетъ Императорскую корону на вѣнецъ мученической... Свидѣтель Его предсмертныхъ мукъ, запечатлѣнный Царской Кровью гобелень тутъ же, на мѣстѣ преступленія, предъ всѣми обличаетъ Палена, а въ лицѣ его и прочихъ цареубійць... И сейчасъ внезапно появляется изъ своей болѣе чѣмъ вѣковой темницы...

— Павловскій гобелень несомнѣнно долженъ въ какой то степени обладать чудесной силой, — промолвилъ мой покойный начальникъ-другъ. — С той страшной ночи, какъ онъ освятился жертвенной кровью Императора Павла, считать его зловѣщимъ болѣе не приходится. Черезъ орудія пытокъ христіанскихъ мучениковъ, пропитанныхъ ихъ праведной кровью, всегда простекала благодать и сила чудотвореній. „Зане душа всякій плоти кровь его есть” — гласитъ о великой тайнѣ крови Священное Писаніе. вмѣстѣ съ кровью на бездушныхъ вещахъ почіетъ какъ бы частица ихъ святой души... (Левит. 17, 11.)

Ты самъ, какъ гобелень, связанъ какими-то духовными нитями съ жизнью и правленіемъ твоего любимаго Царя. Гобелень и меня невольно увлекъ въ миръ Императора Павла Перваго. Я чувствовалъ себя сейчасъ точно въ караулѣ Его Величества въ Михайловскомъ замкѣ: что мы теперь тоже страдаемъ отъ дворцоваго переворота, — вдумчиво заключилъ мой другъ. Надъ всеми нами также тяготѣетъ, — надъ одними болѣе, другими менѣе, — свой черный мартъ и власть неисповѣданнаго грѣха. И до сихъ поръ мы не можемъ найти покоя...

— Ибо, „Не прикасайтесь Помазаннымъ Моимъ” — глаголетъ Господь. (Пс. 104, 15)

¹ По повелѣнію Императора Александра Перваго эскадронъ Саблукова за свою вѣрность Императору Павлу Первому получили особое отличіе, позже распространенное на всю Гвардейскую Кавалерійскую Дивизию — Андреевскую звѣзду съ надписью: „За Вѣру и вѣрность”, на вольтрапы. Вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна потребовала эскадронъ Саблукова для Своей личной охраны.

---

² О. И. Тютчевъ, — „На смерть Муравьева" 1886 г.

Слова эти, приведенныя Столыпинымъ въ одной изъ его рѣчей въ Государственной Думѣ, позже помѣщены на памятникъ ему въ Кіевѣ.

³ Графиня Шарлотта Ливень, воспитательница дѣтей Императора Павла: въ теченіе пятнадцати лѣтъ была близкикъ другомъ Императрицы Маріи.

⁴ Золотая табакерка эта до 1917 года хранилась въ Москвѣ, въ Гранатномъ переулкѣ, въ домѣ Леонтьевыхъ, ранѣе бывшемъ Зубовыхъ, гдѣ лежала на бархатной подушечкѣ, подѣ стекляннымъ колпакомъ. Леонтьевы являются родственниками и наслѣдниками Зубовыхъ по женской линіи.

⁵ Возможно здесь неточно. Надо понимать Филермской.

⁶ Послѣ Императора Павла Петровича святыни Мальтійскаго Ордена хранились въ Гатчинскомъ дворцѣ и были вывезены за границу Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной. По кончинѣ же Ея, переданы въ Каѳедральный Воскресенскій соборъ въ Берлинѣ, откуда пересланы на храненіе Королю Югославіи Александру Первому.

Молитва о упокоении Императора Павла I

Упокой, Господи, душу убиеннаго раба Твоего Императора Павла I и Его молитвами даруй нам во дни сии лукавые и страшные в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое.

Призри, Господи, на вернаго Твоего молитвенника за сирых, убогих и обездоленных, Императора Павла, и, по молитвам Его святым, подай, Господи, скорую и верную помощь просящим чрез Него у Тебя, Боже наш. Аминь.

Оцифровано православным братством во имя св. Царя-искупителя Николая для переиздания в царской орфографии.